

КРОКОДИЛ

ISSN 0130-2671

7-88

МАРТ

Рисунок Г. ОГОРОДНИКОВА.

Аида ФЕДОРОВА

ПОСЛЕ ССОРЫ

«...Не забудь, что жизнь короткая,
Научись прощать, не злобиться...
Я стучала сковородкою,
Я старалась успокоиться...
Я картошку молча жарила,
Чувством радостным охвачена,—
Чайной ложечкой ударила
По стаканчику горячему».

Дина ЗЛОБИНА.

После ссоры после утренней
Я измучилась, измаялась.
Извелась борьбою внутренней.
И совсем в конце отчаялась.
Дожила вот так до вечера.
Но, однако, делать нечего.
Пока в дом спешит мой суженый,
Поспешу, решила, с ужином.
Я картошечку пожарила,
Я селедочку почистила,
Самовар раскочегарила,
Пирожок спекла на листике.
Вот и ты пришел.
Нерадостный.
Обозвал пирог мой гадостью.
Обругал картошку кашею.
А меня назвал ты... Машею.
Вот тебе и замечания!
Допоздна хожу печальная.
Трахнуть, что ли, сковородкою,
Чтоб узнал, что жизнь короткая?

Наталия ЛАНКОВСКАЯ

ДУРАЧОК

Мама права: сколько можно терпеть?
Жизнь ведь проходит без толка.
Мужа иметь и без денег сидеть —
Это же дикость, и только!..
Нет, не капризы! И вовсе не блажь!
Как мы живем, в самом деле?
Я понимаю, сходить в Эрмитаж —
Это, конечно, дешевле!
Все в рестораны — мы с милым
в музей...
Я ведь еще молодая!
Хватит! От этих «культурных» затей
Я на корню засыхаю!..
Ладно, не хмурься! Ругают любя...
Просто не стало терпенья...
Ты ж, между прочим, роняешь себя
Глупым таким поведеньем.
Я же должна и одеться путем:
Мы ведь не сельские, правда?
И чтобы дом был как следует дом;
Все чтобы было, как надо...
Мама права: нынче люди живут,
Нынче теченье такое...
Взял бы, готовил кого в институт —
Тоже подспорье большое.
Я понимаю: научная мысль...
Так от нее не убудет...
Ну, не сердись, дурачок! Улыбнись!
Мы тебя выведем в люди!..

г. Ленинград.

Юрий ШИГАЕВ

ХОЛОСТЯК

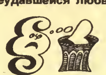
О любви мне звонко
Пела песнь девчонка.
Но сказал я: «Рано
Мне жениться, Жанна».
Десять лет ни слова.
Встретились мы снова.
У нее три сына,
У меня плешина.

Федор ФИЛИППОВ

НА ВЕЧНУЮ ТЕМУ

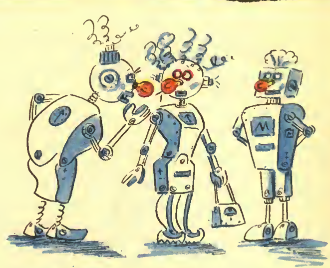
Бытие без чувств высоких голо,—
Важного чего-то в жизни нет!
Юную страницу протокола
Полюбил § средних лет.
И в шкафу, на полке запыленной,
Повстречав любезную свою,
На колени пал прад ней влюбленный,
Произнес заветное: «Люблю!»
Но до звуков свадебного гимна
Не дошел достойный сей почин —
Не всегда сопутствует взаимность
Страсти положительных мужчин.
Отвечала гордая с улыбкой:
«Оценить порыв не просто мне,—
Даже людям свойственны ошибки,
Неодушевленным нам — вдвойне!
И хотя вы нравитесь мне очень,
Вместе быть нам вряд ли суждено:
Ведь в любви, как всюду,
между прочим,
Через запятую «да» и «но».
Вы всего §, то ли дело
Если 6, говорю я наугад,
Вы имели должность, ну, раздела...
И согласно должности оклад!»
...Время шло, бежало и летело,
Вновь потом пераходя на шаг.
Юная гордячка пожелтела,
Кончив жизнь в корзине для бумаг.
А §, выросший до книги,
Коротал на полке дни свои,
Вспоминая о прекрасном миге
Первой, неудавшейся любви.

— Пап, а как ты познакомился с мамой?
— Она вот так же шла с сумками, а я помог ей донести.

Рисунок В. ДМИТРЮКА.

— Пока он на тебе не женился, схему ему всю не показывай!

Рисунок Р. ДРУКМАН.

Николай РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

МАТРЕШКА

Рассказ

Автобус остановился у светофора. Иванов протер в запотевшем стекле, к которому он был прижат, круглое окошко, и стал смотреть на улицу. На улице шел дождь. Разноцветные огни светофоров и стоп-сигналы машин дрожащими столбиками отражались в лужах. По переходу бежали люди.

Послышалось шипение, и рядом с автобусом Иванова плавно затормозил другой автобус. По его серебристому боку тянулась длинная надпись на непонятном языке. Сквозь затемненные стекла виднелись ряды мягких кресел. Пассажиры, занимавшие только несколько первых рядов, сидели в ленивых позах и рассеянно смотрели по сторонам. В проходе стояла женщина и что-то оживленно говорила в микрофон, делая рукой выразительные жесты.

В окне против себя Иванов увидел изящную молодую блондинку в чудном малиновом капоре на голове. Сосредоточенно сдвинув брови, она безуспешно пыталась открыть большую, ярко раскрашенную матрешку. Вместо того чтобы повернуть половинки друг относительно друга, она изо всех сил тянула их в разные стороны.

«Вот чудачка,— подумал Иванов.— Интересно, как она с такими познаниями дома хозяйничает? Ни одной банки, наверное, открыть не может. Вот мужику-то ее подарочек».

Безнадежно вздохнув, блондинка оставила матрешку и посмотрела в окно. Ее скучающий взгляд встретился с серьезным взглядом Иванова. Несколько секунд они изучали друг друга. Затем блондинка улыбнулась и кокетливо помахала Иванову пальчиками.

Иванов растерялся. Он уже давно забыл, что надо делать в таких случаях. Временные щели в его жизни между работой и домом с женой и двумя детьми были слишком узки, чтобы в них могло втиснуться что-нибудь легкомысленное. Глядя на молодых девушек, он думал прежде всего о том, что его старшая дочь уже подходит к тому опасному возрасту, когда человеку хочется быть не хуже других, и во что это обойдется напряженному семейному бюджету.

Подумав немного, Иванов решил улыбнуться в ответ, но тут же вспомнил о своем переднем зубе, недавно сломанном при попытке надкусить найденный в холодильнике сервилат, уже полгода хранившийся там ко дню его рождения, и поспешно сжал губы.

Блондинка весело смотрела на него через свое затемненное стекло. «Надо что-то делать,— лихорадочно соображал Иванов.— А то еще подумает что-нибудь. Им и так о нас черт знает что плетут».

От внезапно свалившегося груза ответственности ему стало жарко.

— *Гляди-ка: еще одна одинокая женщина желает познакомиться!*

Рисунок Е. МИЛУТКИ.

— *Бери и катись на все четыре стороны!*

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА.

Рисунок В. ВЛАДОВА.

Рисунок В. ДУБОВА.

И вдруг его осенило.

Быстро увеличив щекой протертое пространство стекла, он с трудом поднял руки и стал делать ими энергичные крутящие движения.

На лице блондинки появилось недоуменное выражение. Потом ее глаза со страхом расширились, и она вопросительно показала на свою шею.

«Не так понимает!» — с досадой подумал Иванов. Он попытался руками изобразить форму матрешки, желая показать, что он имеет в виду, но при этом локтем задел лицо стоявшей сбоку тучной гражданки. Гражданка с опаской покосилась на него, крепче прижала к груди полиэтиленовый мешок, доверху наполненный пакетами молока, и сделала попытку отодвинуться в сторону.

На светофоре рядом с красным зажегся желтый сигнал.

«Что ж делать-то, господи! — с отчаянием думал Иванов, тоскливо глядя на непонятливую блондинку и машинально продолжая крутить руками.— Сейчас ведь уедет, и все. И будет потом у себя там рассказывать, как ей здесь голову хотели свернуть. Как пить дать, будет».

Соседний автобус выпустил облако дыма и медленно тронулся с места.

Иванов понял, что больше медлить нельзя. Мощным рывком он отодвинул в сторону форточку, с трудом высунул в нее голову и изо всех сил заорал:

— Вертеть ее надо, понимаешь, вертеть!!!

Но серебристый автобус с заморской блондинкой был уже далеко. И с высунутой головой Иванова поравнялся фургон с надписью «Техпомощь», в котором сидело трое рабочих в оранжевых жилетах.

— Что, отец, освежиться вышел? — весело крикнул один из них.

Иванов ничего не ответил и, стараясь не прищемить уши, осторожно всунул голову обратно. Пассажиры молча смотрели на него.

— Бестолковые они все-таки,— ни к кому не обращаясь, сказал он, вытирая лицо, по которому сбегали крупные капли дождя.

ШЕРШЕ ЛЯ ФАМ НА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СЦЕНЕ

Если принять за основу высказывание итальянского политика и публициста Джузеппе Мадзини о том, что мужчина и женщина — это те две ноты, без которых человеческие струны не дают правильного и полного аккорда, нетрудно будет домыслить, отчего мировая политика сплошь и рядом суть бессмысленное, хаотическое нагромождение звуков, какофония.

Это происходит, безусловно, и из-за дефицита женского начала в политике — фактора сдерживающего, облагораживающего и умиротворяющего. И в результате вместо глобального консонанса мы имеем разгул неблагозвучной мужской политической разноголосицы.

Гонка вооружений, вооруженные конфликты, терроризм, наркобизнес, надругательство над взятой в окружение средой, религиозный и политический фанатизм, избиение инакомыслящих, расовая нетерпимость, диктат сильных и подавление слабых — это, согласитесь, не женского ума дело, а скорее мужского политического и классового неразумия.

А смехотворные претензии на обладание истиной в последней инстанции? А привнесение в политический лексикон прибауток ярмарочных кулачных бойцов?

Посмеиваясь над «иррациональностью женского мышления», иные государственные мужи сами явили миру потрясающий образец «железной логики»: твердя о мире и безопасности, превратили планету в пороховой погреб.

Впрочем, не будем о мрачном. Тем более что в последнее время у человечества появились вполне обоснованные надежды на поворот к лучшему в международных делах, и нельзя сказать, чтобы мужчины-политики были тут совсем уж ни при чем.

И все же отрадно, что в целом ряде стран, от Северо-Западной Европы до Юго-Восточной Азии, дамы, деликатно отодвинув острым плечиком кавалеров, смело шагнули на авансцену политической жизни.

К наиболее сильным качествам находящихся у власти представительниц слабого пола я бы отнес терпимость. Даже если муж входит в оппозиционную политическую партию, это не толкает их на разрыв брачных уз. Интуицию (еще Киплинг говорил, что женская догадка точнее мужской уверенности). Склонность к широкому политическому маневру. Умение корректно, но твердо поставить на место собеседников, забывающих о правилах хорошего тона.

А также шарм.

При этом они ухитряются совмещать обязанности, скажем, премьер-министра или президента с функциями хранительницы домашнего очага. Посмотрел бы я, как бы потянули такую двойную нагрузку их коллеги-мужчины...

И даже недостатки женщин-политиков органично связаны с их достоинствами. Здесь уже говорилось, что женское начало следует считать сдерживающим фактором. Ничего удивительного, что концепция ядерного сдерживания нашла самого стойкого адвоката в лице женщины.

Наконец я убежден, что так называемая «народная дипломатия» не набрала бы сегодня такую силу, если бы не женщины. Вспомним, как они стояли в пикетах у военных баз и как шли нескончаемыми дорогами Маршей мира.

Мужчины, а особенно политики, стремящиеся к гармонии в мировом масштабе, призываю вас чаще прислушиваться к нежному сопрано ангелиц-хранительниц.

Довольно часто они берут единственно верную ноту.

Леонид ФЛОРЕНТЬЕВ.

Дорогой Крокодил!

Мы с мужем чуть не рассорились, а все из-за магарыча...

Муж мой тракторист, а трактористам за услуги ставят бутылку (магарыч). И я не знаю, как с этим злом бороться.

Спрашиваю мужа, зачем он пьет этот магарыч, а он мне и объяснил причину, которая совсем не украшает наше совхозное руководство.

Летом, когда начинается сенокос, рабочие совхоза, нуждающиеся в сене, платят в контору по 70 рублей за 40 центнеров. За эти деньги совхоз им заготавливает сено и развозит по дворам. Косили это сено трактористы после рабочего дня. За работу им не заплатили. Более того, с самих трактористов за те же 40 центнеров высчитали почему-то по 139 рублей. Так сколько же стоят эти 40 центнеров?

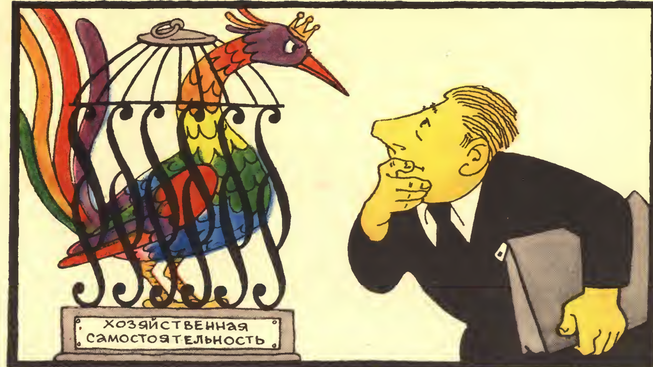
Когда наступила пора вывозить сено, руководство приказало трактористам две возки делать в совхоз, а третью — по домам. Но они со второй возкой приезжают в седьмом часу вечера. Когда же ехать в третий рейс?

В ноябре у руководителей сено давно было во дворах, а рабочим только двоим завезли. Вот и идут люди на магарыч. К нашему начальству обращаться бесполезно. В район тоже — они сами едут к нам за сеном.

И тянется это из года в год. Летом обещают, что осенью все будет по правилам, а приходит осень — разводят руками.

А если бы у нас в совхозе все было по-честному, по справедливости, не нужен бы был магарыч, и трактористы не пили бы от бессилия что-то изменить.

И. СКОРИНСКАЯ,
с. Подойниково Панкрушихинского района Алтайского края.

ЖАР-ПТИЦА

Рисунок Е. ГУРОВА.

Рисунок В. ТИЛЬМАНА.

РУБРИКА О РУБЛИКЕ

Сергей ЛИТВИНОВ

В ПОЛЬЗУ БЕДНЫХ

ЗАБИРАЕТ МИНИСТЕРСТВО ПРИБЫЛЬ У ПЕРЕДОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

1988 год принес нам не только новые радости, но и новые заботы: в нашу жизнь вошел хозяйственный расчет. Уаы, пока не все понимают, что это такое. Мы медленно и трудно учимся считать, словно аперые сели за парту. Мы учимся коммерции, от которой нас много лет старательно отучали.

Многие большие и малые рукоаодители, рабочие и служащие вдруг поняли, что деньги имают интересное свойство: они не падают с неба а аиде золотого дождя ссуд, кредитов и подачек. Каждый рубль надо заработать собстаанным трудом, собстаенным умом, собственной сметкой. Заработать и аложить с максимальной пользой.

Но вместе с пониманием цены рубля пришло и беспокойство. В самом деле: почему, например, те, кто работает ни шатко ни валко, и те, кто трудится а поте лица, должны получать одинаково? Почему у всех молодых инженероа и младших научных сотрудников одинаковый оклад незаависимо от их вклада? Почему прибыльные предприятия должны делиться этой прибылью с прогорающими?

Такое острое чувстао социальной справедливости приходит аместе с умением считать деньги. Это чуаство — не зависть, а стремлание осмыслить нашу жизнь, стремление сделать ее лучше, рациональнай, содержательнай.

Вот поэтому, держа лапу на пульсе жизни, Крокодил возобновляет старую «Рубрику о рублике», наполнив ее новым, сегодняшним содержанием, которое принесла а нашу жизнь перестройка.

Герман Егорович Вольский, директор Бургайского целлюлозно-бумажного комбината, следовал в Москеу спиной вперед. За окном вагона уносились в снежную дымку сугробы, ели и столбы.

Настроение было преотличное. Во-первых, чай был ароматен и горяч (железнодорожной бурде Г. Е. не доверял и всюду возил с собой заварку «со слоном»). Во-вторых, было радостно ощущать себя умным, еще нестарым и нужным. А в-третьих, его комбинат получил е уходящем году столько прибыли, что будь Бургайск по ту сторону океана, купаться бы Герману Егоровичу е мраморной ванне и посылать бы орхидеи корзинами голливудской звезде Джилле Стриптизелли. Но не думал Г. Е. о таких глупостях, а думал о том, как развернется он на эту самую прибыль, какой отгрохает цех по утилизации отходое, какие дома с двухэтажными квартирами возведет для рабочих, какой детсад построит у Синего озера... Эх, что за еремена наступают для смелых и умных!.. Колеса стучали е такт мыслям: «Хозрасчет-хозрасчет-хозрасчет»...

Через час Вольский уже входил в здание министерства. У гардероба путь ему преградили трое дюжих молодцое. Не успел Герман Егорович и пикнуть, как в рот ему засунули подгузник из распушенной целлюлозы, заломили руки и повлекли по каким-то коридорам и лестницам...

Свет бедняга увидел е обширном кабинете. Молодцы сторожили его. Хозяин стола удоелетворенно-хищно взвешивал на ладони кошелек, где лежала прибыль, добытая комби-

Галина Адольфовна
КАРАВАЕВА

(К 60-летию со дня рождения)

Автошарж

Рисунок юбилярши.

СМЕХ СКВОЗЬ СТОЛЕТИЯ

ДЕЛО ДОШЛО ДО ТАНЦЕВ...

Корней Чуковский часто вспоминал о том, как писалась «Муха-Цокотуха». Жизнь его тогда складывалась не очень весело. Но наперекор всему бывали и дни особого, приподнятого настроения. Так случилось и 28 августа 1923 года, когда он, войдя в пустую квартиру (вся семья уехала на дачу), вдруг почувствовал — нахлынуло то, что называется вдохновением:

Муха, Муха — Цокотуха,
Позолоченное брюхо!
Муха по полю пошла,
Муха денежку нашла.

Чуковский еле успевал записывать на клочках бумаги каким-то огрызком карандаша. Когда в сказке дело дошло до танцев, то он, 42-летний, уже седеющий человек, стал танцевать сам. Когда кончилась бумага, он отодрал лоскут обоев (в коридоре обои отставали) и на этих обоях закончил стихотворение.

«Вот так я и стал профессиональным детским писателем»,— вспоминал Корней Чуковский.

Муха, Муха-Цокотуха...

ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ

Чарли Чаплин с охотой рассказывал этот приключившийся с ним случай:

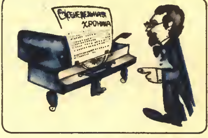
«Однажды я ехал в нью-йоркском метро. Придя домой, я обнаружил в своем кармане золотые часы. Ума не мог приложить, как они попали ко мне. Решил отнести их в полицию. На следующий день пришло анонимное письмо: «Дорогой мистер Чаплин! Пишет Вам профессиональный карманник. Вчера в метро я украл у одного богатого господина золотые часы. Но, увидев Вас, решил сделать подарок и опустил их в Ваш карман». Прошел год. Полиция не нашла вора, не нашла и владельца, а потому переслала часы мне. В газетах писали об этом, и вот через несколько дней я получил второе анонимное письмо:

«Дорогой мистер Чаплин! Год тому назад, когда я ехал в метро, у меня украли золотые часы. Я прочел в газетах, что какой-то карманник подарил их Вам. Пусть мои часы останутся у Вас, мистер Чаплин. А так как я не меньший почитатель Вашего необыкновенного таланта, чем карманный вор, то посылаю к часам и золотую цепочку».

ИСПОЛНЯЕТ АВТОР

Болеслава Пруса необычайно обрадовало приобретение пишущей машинки. «Это бесценное открытие,— говорил он.— Я ожил с тех пор, как ею пользуюсь, работа идет быстрее, не так утомляет... На третий день я уже исполнил на ее клавишах свою «Еженедельную хронику», а сегодня печатаю в полтора раза быстрее, чем пишу пером...»

Раскопки произвел и собственноручно проиллюстрировал Н. СУШЕНЦОВ, г. Киров.

натом... Вольский безумно замычал и рухнул на колени. Шеф сделал знак. Был выдернут кляп.

— Не губите! — прокричал директор.— Хоть на три дома оставьте!

Столоначальник усмехнулся и небрежно бросил Вольскому пачку ассигнаций. «Спасибо»,— униженно пробормотал Вольский. Его развязали и вытолкали из кабинета.

...Читатель, вероятно, уже догадался, что вышеизложенное — плод воспаленного воображения фельетониста, и нет в природе ни Бургайского комбината, ни Вольского, ни прочих страстей с ограблением и заламыванием рук.

А что же есть?

Но вот слушайте.

В нынешнем году Котласский целлюлозно-бумажный комбинат, который вот уже лет пятнадцать журналисты иначе как «маяк» и «флагман» не называют, получит, по его расчетам, 170 миллионов рублей прибыли. Как распорядится перешедший на самоокупаемость коллектив сей немалой суммой? Естественно, сперва уплатит за производственные фонды, за трудовые ресурсы, сделает отчисления в госбюджет. Останется около девяноста миллионов чистоганом. И вот из них Минлесбумпром СССР возьмет себе **семьдесят семь миллионов...**

Может, комбинату не нужны эти деньги? О, еще как нужны! Энергохозяйство «флагмана» не обновлялось три пятилетки. Скоростное оборудование лишено автоматики. Очередь на жилье такая, что после приема населения здешние депутаты Советов — местного, областного и Верховного — плачут вместе с избирателями... И вот — о бюрократический парадокс! — суперприбыльному комбинату, чтобы хоть что-то для себя строить, **пришлось взять ссуду.** А за нее только в нынешнем году предстоит заплатить в виде процентов больше миллиона рублей... Каково, а?

В том же министерстве есть объединение «Калининградбумпром». И получит оно в нынешнем году почти **в десять раз** меньше прибыли, чем Котласский комбинат. А премиальных тамошним работникам заплатят почти столько же, сколько котлашанам. А на развитие своего предприятия калининградцы израсходуют даже на три миллиона больше. Если у «маяка» министерство забирает 65 процентов прибыли, то у прибалтийцев — всего 16!.. Для чего изымают денежки у передовиков? Секрета нет — помогать нерасторопным. Так сказать, в пользу бедных... И все чинно, благородно. Не нужен ни кляп, ни молодцы за спиной... Грабеж происходит под шелест бумаг и стук телетайпов.

Но нет, не грабеж это, вполне законная операция. Минской обойной фабрике предстоит расстаться с 63 процентами своей прибыли, а Гомельскому бумажно-лесохимическому заводу — с 93 процентами... Средства пойдут в том числе для поддержания на плаву едва рентабельных картонных фабрик «Ольховка» и «Раевка». И такие операции, по мнению министерств и ведомств, вовсе не противоречат новому хозяйственному механизму, а вполне согласуются с хозрасчетом.

Но почему? Почему на тех, кто много везет, много и возят? А нерадивых-несмышленых жалеют... Железный закон застоя.

Но заявлено же с самых высоких трибун: должно быть иначе — кто лучше работает, тот лучше живет. Однако так пока не получается, говорят в министерствах. Дескать, потерпите. В стране покуда сосуществуют (как кошка с канарейкой в одной квартире) старая командная система хозяйствования — и новая, хозрасчетная. По законам хозрасчета, предприятие, ежели заработало много, должно много и получить. Но контрольные цифры на нынешнюю пятилетку утверждались еще в те годы, когда в министерствах о самофинансировании-самоокупаемости не думали вовсе. Тогда и заложили в планы привычное: кто больше заработал — у того побольше и отобрать, отдать «двоечникам». Теперь случился хозрасчет — а сумма, которую сдерут с передовиков, уже давно записана на скрижалях. Вот и утверждают в министерствах нормативы отчислений от прибыли такими, чтобы сумму поборов не изменить. Вот и дали Котласскому комбинату такой норматив, что министерство забирает две трети прибыли, а калининградцы отдают лишь шестую часть.

А ведь это тот самый «Калининградбумпром», на предприятиях которого гибнут тысячи тонн отходов. Да и не только отходов, но и готовой целлюлозы, ценнейшего сырья для производства гофрокартона. Годами целлюлоза зарывалась в землю, гнила под открытым небом, хотя нужны были минимальные расходы, чтобы создать участок для утилизации этого сырья. Нужна была самая малость: инициатива.

У каждого завода теперь есть шанс исправиться. Плох директор? Переизберите. Не покупают продукцию? Выпускайте другую. Старое оборудование? Купите новое. Денег нет — возьмите кредит в Госбанке... Все равно нет прибыли? Тогда придется закрываться. Рабочие по миру не пойдут — они всюду «требуются, требуются...»

Жестоко? А грабить передовиков — это как, гуманно?

Архангельская область — Москва.

КРИВОЕ ЗЕРКАЛО,
или
УЗАКОНЕННАЯ ПОКАЗУХА

В. ВИТАЛЬЕВ, специальный корреспондент Крокодила

— Эй, что вы тут делаете? — Из глубины павильона неотвратимо, как сель, надвигалась хранительница.

— Смотрю. А что, нельзя?

— Нельзя. Это закрытая выставка.

Последние слова хранительницы заключали в себе явный парадокс: «закрытая выставка» все равно что четырехугольный треугольник...

Разговор происходил в павильоне «Земледелие» Выставки достижений народного хозяйства Киргизской ССР. На территории ВДНХ (120 гектаров) в тот ноябрьский рабочий день я был единственным посетителем, вызывая своим появлением замешательство, близкое к ступору, у персонала всех двенадцати павильонов.

Но вернемся в «Земледелие», все три зала которого были под завязку забиты продуктами. Если вы закроете глаза и десять раз подряд громко произнесете слово «изобилие», одновременно пытаясь вообразить себе это понятие в его материальном виде, то и тогда у вас сложится весьма отдаленное представление о «закрытой выставке» в павильоне «Земледелие». Горы копченых, сыровяленых и прочих колбас (всего 28 сортов), конфеты, торты и пирожные в немыслимой красоты коробках, изысканнейшие молочные продукты, кумыс в разнокалиберной посуде и в пластиковых пакетах; в вазах и на блюдах — сливы размером с яблоко, яблоки размером с тыкву и тыквы величиною с глобус, висящий над входом в Центральный телеграф на улице Горького в Москве. А над этой лукулловой картинкой — победные, рвущиеся в небо диаграммы и плакаты с звонкими лозунгами типа «Производству продовольственных товаров — действенное ускорение!».

Хранительница, встревоженная одиноким посетителем, кликнула директора павильона М. П. Пахомову, которая объяснила, что выставка развернута для руководителей республиканского агропрома и участников пленума ЦК Компартии Киргизии, который должен открыться через несколько дней.

— Но ведь до открытия пленума продукты могут испортиться,— заикнулся было я.

— Заменим! — весело отчеканила Мария Павловна.

— Скажите, а эти продукты есть в магазинах?

Директор посмотрела на меня долгим изучающим взглядом. Так родители глядят на своего напроказившего ребенка:

— Пройдитесь по магазинам — сами увидите...

И я прошелся. Вот результаты моих наблюдений.

На выставке: смотри выше.

В магазинах: колбаса ливерная (50 копеек за килограмм), консервы «Кильки в томатном соусе», слипшиеся засахаренные карамельки... На вопрос, бывают ли вообще конфеты в коробках, продавщицы кондитерских отделов магазинов г. Фрунзе глядели на меня пронзительным взглядом психиатра и ничего не отвечали.

Думаю, что руководители агропрома республики и участники пленума ЦК остались бы довольны посещением павильона «Земледелие». Наверняка понравилась бы им и экспозиция главного павильона Киргизской ВДНХ. В этом павильоне я в полном одиночестве долго любовался теми же раритетными продуктами. В отличие от выставки в «Земледелии» эта экспозиция была «открытой», и поэтому, наверное, деликатесы были упрятаны под стеклянные колпаки, на которых красовались таблички «Руками не трогать». В Эрмитаже я когда-то видел похожие таблички, укрепленные на благородных запястьях античных статуй. Колпаки были тематическими: под одним покоились консервы, под другим — колбасы. А над этими стеклянными саркофагами дефицита висела огромная цветная фотография, запечатлевшая до отказа набитое едой чрево холодильника. Интересно, где снимали этот холодильник? Наверное, тут же, на выставке.

Но что это я все о продуктах? Поговорим о других предметах ширпотреба.

На выставке: в главном павильоне — легкая и удобная модельная обувь производства Фрунзенского обувного объединения. Обувь, как и продукты, упрятана под колпаки. В павильоне «Стандарты и качество» — красочная детская одежда, ажурное белье, футболки с симпатичными рисунками и надписями, модные изделия из трикотажа.

В магазинах: обувной отдел ЦУМа — резиновые и кирзовые сапоги великанских размеров, легкие босоножки (в разгар зимы!), кособокие и тяжелые, как вериги, тридцатирублевые коричневые туфли производства того же Фрунзенского обувного объединения. В других отделах — давка за женским бельем, очередь за теплыми мужскими носками... У входа в ЦУМ — толпа штурмует маленький выносной столик, с которого продают трикотажные сеточки армянского производства.

— Разве трикотаж у вас редкость? — спросил я у мужчины, тщетно пытавшегося отыскать брешь в толпе, окружившей столик.

— У нас во Фрунзе — все редкость,— ответил он, буравчиком ввинчиваясь в очередь.

Эти слова не покажутся преувеличением, если посмотреть материалы последней сессии Верховного Совета Киргизии, где отмечалось, в частности, что товаров народного потребления в республике выпускается в два раза меньше, чем в среднем по стране.

Но на ВДНХ, похоже, об этом не ведают...

Давайте сравним две цифры, точнее, суммы: 1 миллион 31 тысяча рублей и 12 тысяч рублей. Первая — государственная дотация, ежегодно выделяемая на содержание ВДНХ Киргизии, вторая — годовой «доход» выставки, заслуга редких посетителей. «Народ отвернулся от выставки»,— сказал мне член партбюро ВДНХ рабочий В. М. Орлянский. Удивляться тут нечему: устали люди от показухи. Да и добраться до выставки труднее, чем до города Чарджоу: с центром ее связывает единственный автобус № 11, курсирующий столь безалаберно, что порою начинаешь сомневаться в самом факте его существования.

Перед отъездом из Фрунзе я в последний раз пришел на выставку. «Закрытая» экспозиция в «Земледелии» по-прежнему, как и 10 дней назад, тщетно дожидалась высоких гостей. Сморщились, усыхая, фрукты и колбасы, съежились, зачерствев, фигурные хлебные лепешки... Зато в павильоне «Стандарты и качество» царило необычное оживление: работники республиканского телевидения вели здесь съемку. Начальник ОТК Фрунзенской кондитерской фабрики З. К. Курбанова принесла для показа по телевидению шоколадно-вафельный торт и конфеты «Киргизская девушка». Воспользовавшись случаем, я поинтересовался, почему этих сладких «телезвезд» не бывает в магазинах. Причин оказалось множество: и перебои с сырьем, и плохие отношения фабрики с агропромом... Похожий вопрос я задал и заместителю главного инженера Фрунзенского трикотажного объединения В. Ф. Федосовой, тоже пришедшей на съемку. И вновь услышал массу веских причин: дорожает оборудование, покупатели жадничают, приобретая вещи про запас, и т. д.

Нашу беседу прервал кто-то из телевизионщиков. «Идите по павильону и делайте вид, что рассматриваете экспонаты! — зычно скомандовал он. — Изображайте посетителей!» Представители предприятий пошли по павильону, профессионально «делая вид». Съемка началась успешно...

...Вернувшись в Москву, я прочитал в газетах сообщения ТАСС о пленуме ЦК Компартии Киргизии — том самом, для участников которого предназначалась продуктовая «закрытая» выставка. На пленуме было подчеркнуто, что «в организаторской, идеологической, политико-воспитательной работе еще не все сделано для преодоления кампанейщины и формализма». Очень правильные слова.

Похожее отношение к выставкам наблюдается и в других республиках.

И оно весьма живуче.

К 70-летию Октября в павильоне «Товары народного потребления» ВДНХ СССР была развернута юбилейная выставка, на которой свои экспозиции представили все 15 союзных республик. Будто сговорившись, многие республики наряду с по-настоящему интересными экспонатами выставили колбасные наборы в одинаковых красочных коробках с вензелем давно ликвидированного Минмясомолпрома СССР, небывалые наборы конфет и молочных продуктов. Помилуйте, но долго ли еще копченая колбаса будет считаться у нас достижением? Не гордиться нужно умением выпускать ее в малых количествах, а стыдиться, что до сих пор не можем заполнить ею магазины...

Выставки достижений народного хозяйства существуют во всех без исключения республиках. В начале 50-х они имелись в каждом областном центре. Впоследствии областные выставки закрыли. Зато республиканские растут и вширь, и ввысь. Интересный факт: ВДНХ Украины на целых 37 гектаров обогнала по площади ВДНХ СССР.

Давайте же задумаемся о том, какими должны быть наши выставки сегодня. И вспомним с этой целью сельскохозяйственные и кустарно-промышленные выставки двадцатых — тридцатых годов. Главное, что, по отзывам современников, отличало их от нынешних,— это ДУХ. Не показуха, а деловой задор: сегодня на выставке — завтра на прилавке, в поле, на заводе, в семье. Начиная с конца тридцатых годов, когда открылась предшественница ВДНХ СССР — Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, этот дух начал постепенно сходить на нет, уступая зачастую место чисто показушным проявлениям, к которым смело можно отнести демонстрацию колбасы и диковинных кондитерских изделий. Теперь самое время привнести в них свежее дыхание перестройки, нового подхода к старым проблемам.

Позвольте, предвижу возражения, но ведь речь идет о ДОСТИЖЕНИЯХ, а достижение может быть понятием единичным, уникальным. Это может быть изобретение, которое промышленность попросту не успела освоить...

Возражение совершенно справедливо: когда мы говорим о космических кораблях, новейших компьютерах, моделях прокатных станов и т. д., то смешно сетовать на их нераспространенность и недоступность для потребителя. Все эти достижения по праву занимают место на выставке. Но колбаса... Но мебель... Но одежда... Но конфеты...

Если уж говорить о них в связи со словом «достижения», то лишь подразумевая под ним стопроцентную доступность этих товаров для каждого потребителя. В противном случае их публичная демонстрация не более чем показуха.

При одном лишь условии можно оправдать показ дефицита: если тут же, на выставке, посетитель получит не холостой заряд бодрящих лозунгов, а исчерпывающую информацию о том, кто и почему не производит его (дефицит) в достаточных количествах. Такую информацию можно разместить на месте победных диаграмм и звучных, но пустых плакатов. Это, кстати, уже делают в Эстонии и Белоруссии.

Каюсь, идею заголовка данного фельетона я позаимствовал из киргизской республиканской газеты, которая поместила «розовое» интервью с директором ВДНХ республики Б. К. Кылычбековым под заголовком «Зеркало республики». Под «зеркалом» подразумевается выставка.

Зеркало-то зеркало, да только кривое.

Фрунзе — Москва.

— ОПЯТЬ ОТВЛЕКАЕШЬСЯ!

Рисунок Е. ОСИПОВА, г. Ленинград.

УМЕТЬ СМЕЯТЬСЯ НАД СОБОЙ...

К 75-летию Сергея ***МИХАЛКОВА***

Разя огрехи и грехи,
Он пишет пьесы и стихи,
Стоит надежно у руля
Негаснущего «Фитиля».
И как писатель басен
По-прежнему опасен!

Зачем скрывать, тем более в эпоху гласности, что Сергею Владимировичу Михалкову, баснописцу и драматургу, детскому писателю и нашему брату сатирику, председателю правления Союза писателей РСФСР, академику Академии педагогических наук, папе литературного дяди Степы и всамделишного Никиты Михалкова, стукнуло семьдесят пять.

По такому торжественному поводу Крокодил не преминул подослать к юбиляру своего расспрашивателя, чтоб не сказать хуже — интервьюера. После поздравления с юбилеем от имени Крокодила и его читателей он задал первый вопрос:

— Сергей Владимирович, согласны ли вы с философским утверждением Кикабидзе: «Мои года — мое богатство»?

— Песня мне нравится, а с философом Кикабидзе не согласен.

— Стало быть, ваше богатство в другом?

— Мое богатство — в живом общении с живыми людьми. Дел и забот столько, что уже не успеваешь думать о годах, а тем более их подсчитывать. Богатство — не в количестве прожитых лет, а в их качестве. А я свои годы прожил активно.

— Говоря дипломатическим языком, вы — дуайен нашего сатирического корпуса, его старейшина. Или даже можно сказать, неформальный министр сатиры. Когда затевается что-то новое, интересное в сатире, всегда говорят: «Надо посоветоваться с Михалковым».

— Нельзя назначить сатирика на пост сатирика. И вообще это не пост, а призвание. Сатирик — человек определенного склада характера, который умеет подмечать то, над чем надо смеяться ради оздоровления общества, а не смеха ради. Я не считаю себя ни министром сатиры, ни дуайеном. Я просто писатель.

— Такое впечатление, что для вас как для главного редактора «Фитиля» эпоха гласности наступила намного раньше, чем для всей страны. «Фитиль» всегда был смелым. Но сегодня он уже не так потрясает, как двадцать шесть лет назад. Не станет ли «Прожектор перестройки» могильщиком «Фитиля»?

— Не думаю. Но «Фитилю» стало значительно труднее жить и работать — Центральное телевидение намного опережает нас. Они могут сегодня снять, а завтра показать. Значит, «Фитилю» тоже надо перестраиваться, тщательнее работать над игровыми сюжетами, брать такие «вечные» темы, сюжеты, явления, о которых «Фитиль» может и через три месяца рассказать, потому что раньше чем через год критикуемое явление не исчезнет. Это о «долгострое», экологических проблемах... Мы счастливы тем, что заложили основу критики и самокритики на экране. Кстати, хочу и «Крокодил» покритиковать.

— В «Фитиле»?!

— Нет, устно. Перестройка в сатире, в частности в карикатуре, я считаю, заключается не в том, чтобы старых художников заменить молодыми. Очень редко на страницах периодической печати, включая «Крокодил», стали появляться работы старых мастеров карикатуры — Абрамова, Кукрыниксов, Ефимова, хотя в своем творчестве они еще превосходят многих молодых. Так и напишите: «Превосходят многих молодых, хотя и более пробойных».

— Хорошо, так и напишем, хотя могли бы и поспорить с вами. Но это в следующий раз. А сейчас скажите: вам пришлось пробивать идею создания «Фитиля»?

— Наоборот! Меня пригласили и сказали: «Нужно выпускать сатирический киножурнал. Можете взять на себя такую обязанность?» «Могу,— сказал я.— Будете доверять — буду работать». И появился «Фитиль». Доверяют!

— Когда вы опубликовали свое первое произведение?

— В 1928 году в краевой газете «Терек» города Пятигорска. И в том же году меня напечатал ростовский журнал «На подъеме». Я послал, они напечатали. Шестьдесят лет тому назад.

— Сатира?

— Лирика.

— А сатира? Когда она явилась вам? Может быть, была в доме такая книжка, над которой вы хохотали? Марк Твен, допустим?

— Чувство юмора у меня было с детства. Я, например, в детстве очень сильно заикался. И никогда никто в классе надо мной не смеялся, потому что я первый сам смеялся над собой. Надо уметь смеяться над собой. Общество тогда сильно, когда оно умеет смеяться над собой. Когда оно допускает и поощряет сатиру, а не замазывает свои недостатки лаком, чтобы казаться красивым. Смех очищает. Смеясь над собой, человек возвышает себя, потому что он смеется над тем, от чего он должен освободиться. Но

— Цены по джентльменскому соглашению, зато без очереди!

Рисунок С. ВЕТКИНА.

Рисунок В. МОХОВА.

Мы познакомились с обиженной женщиной на «галере». Так костромская молодежь окрестила «галерею» — торговый центр города, состоящий из приземистых толстостенных купеческих лабазов, соединенных для изящества коридором и колоннами. Внутри «галеры» расположен рынок, где моя собеседница и потрясала авоськой, действительно жалкой — швы расползлись, ткань посеклась.

— Вместо болоньи она употребила уцененный ацетат,— бушевала покупательница.

В торговых рядах сегодняшнего костромского рынка обосновались индивидуальщики и кооператоры. Торговля идет бойко. Вот девушка продает куртки и джинсы-«варенку».

— Если у покупателя возникнут претензии, где вас искать? — поинтересовалась я.

— Не надо меня искать,— огрызнулась продавщица. — Не хочешь — не бери.

Имя изготовительницы этой популярной у молодых одежды Елена Анохина. Его я сумела узнать, лишь предъявив служебное удостоверение. Таким же образом познакомилась и с другими «фабрикантами». С обыкновенной же, не облеченной полномочиями покупательницей никто из торгующих на рынке в откровенные разговоры не вступает.

Но если Елена Анохина не иголка в стоге сена и отыскать ее в Костроме при желании можно, то как быть с Казимирой Стракшене? Из литовского города Кретинги она привезла вязаные платья и колготки.

Продала — и была такова. Ну, а если на колготках петля поползет или платье полиняет? Где искать эту самую Казимиру?

Сергей Тихов продает молодежные зимние куртки по двести шестьдесят рублей за штуку. К подкладке пристрочена яркая этикетка иностранной фирмы.

— Все недоразумения относительно качества курток следует адресовать западногерманской фирме «ERBA», ярлык которой

сатириком надо родиться. Нельзя научить челоаека быть сатириком. Злой челоаек вообще не может быть сатириком. Почему Салтыков-Щедрин был таким яростным сатириком? Потому что он любил Россию! Поэтому, болея за нее, он был таким злым и беспощадным. А Гоголь? Все великие сатирики, по сущестау, были добрыми людьми. Сатирик — это не злопыхатель, это челоаек, который смеется над недостатками, издевается над пороками ради их искоренения, а не как посторонний зритель. Вот наши недруги за рубежом, они не сатирики, когда критикуют нас, они злопыхатели. Им не хочется, чтобы жизнь у нас менялась к лучшему. Они только делают аид, что нам рекомендуют, как избавиться от наших недостаткоа. Им совершенно безразлична наша жизнь. А то, что происходит у нас сейчас, их даже пугает.

— Какого вы мнения о Жванецком?

— Высоко ценю. Чуастао юмора огромное. У него блестящие монологи. Я хотел бы только пожелать дорогому Мише Жаанецкому раздаинуть рамки таорчества, анести в него жанровое разнообразие.

— Меня в Жванецком восхищает не только чувство юмора, но и смелость.

— Конечно. Видите ли, сатира не рождается под аплодисменты. Аплодисменты уже потом, когда сатира прораалась к зрителю, читателю. Все мои пьесы так или иначе претерпеаали борьбу с редакторами. Все! Но я умел их отстаиаать. Конечно, мне помогало то, что я главный редактор «Фитиля» — «значит, этот человек а сатире разбирается». И все равно бдительные чиноаники доказыаали мне, что, может быть, лучше здесь убрать ту или зту фразу, там подчистить. Все боялись обобщения. Принципиальность сатирика — это всегда бой.

— Смешной случай из вашей жизни. Ведь бывали?

— Как-то сидели мы в одной милой компании. Единственная муха а комнате летала-летала и села мне на колено. Кто-то спросил: «Почему муха аыбрала именно колено Михалкоаа, а не кого-нибудь другого?». Я объяснил: «Потому что она знает, что я могу из нее сделать слона».

— Что вы подарили себе к юбилею?

— Написал комедию для Центрального детского театра «Клад, или У каждого барона саоя фантазия». Это будет моя десятая пьеса на сцене ЦДТ. Я поднимаю в ней многие аопросы, которые касаются и взрослых,— о бюрократизме, о честности, о праадиасти, о том, к чему может приаести вранье.

— Разумеется, вы смотрите все фильмы Никиты Михалкова?

— Конечно, он асе-таки мое лучшее произаедение. Считаю, что его последний фильм «Очи черные» — удача. Во-первых, потому, что эта картина зааоеаала зрителей многих стран благодаря обаянию глааного персонажа — его играет Мастроянни. Но удача еще и а том, что фильм познакомил Запад с соаетскими актерами, которых Никита пригласил на другие глааные роли. И об этих актерах, о которых за рубежом никто никогда не слышал, сегодня загоаорили.

— Как к вам относятся ваши внуки?

— Так же, как я к ним. Их у меня аосемь. Возраст? От года до двадцати шести. Задайте-ка мне лучше какой-нибудь неожиданный, неюбилейный, странный аопрос. Ну, например, нраaится ли мне Алла Пугачева?

— Сергей Владимирович, вам нравится Алла Пугачева?

— Быть ее мужем я бы не хотел, но от двух билетов на ее концерт я бы не отказался.

Юбиляра расспрашиаал М. ВИЛЕНСКИЙ.

ПЕРВЫЙ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ ХОЗРАСЧЕТА

**Ирина СКОРОБОГАТОВА,
специальный корреспондент Крокодила**

Мастер без адреса, а качество без гарантии

«Всех этих индивидуальных трудовых деятелей надо гнать в шею! Купила я на рынке хозяйственную сумку, а она через неделю — по швам. Я — обратно, а тетки, что кошелки продавала, и след простыл. Где ее искать? Спекулянты с патентами — да и только!»

(Из разговора на костромском рынке).

вы пришили к своим изделиям, не так ли? — интересуюсь я.

— Ну что вы...

— А кому?

Хозяин мнется...

А почему бы не пришить на куртку эмблему со своим именем? Или, если оно кажется недостаточно веским, придумать название собственной фирме? А еще можно вкладывать в покупку ярлык со своим адресом, именем и фамилией...

Конечно, имя обязывает. Анонимность же на руку лишь тем, кто вышел на рынки не для того, чтобы, честно потрудившись, помочь государству решить бытовые проблемы и, конечно же, заработать, а под шумок ветра перемен лишь порыться в карманах доверчивых покупателей. «Если меня спросят, я назову номер патента»,— сказал мне один из владельцев пестрых фуфаек. Ну, а если не спросят? Не догадаются? Тогда, выходит, промолчу?

Возможно, срабатывает инерция. Ведь многие из индивидуальщиков были когда-то малозаметными винтиками в огромной машине какого-нибудь облшвейбыта. Там можно было втихаря недострочить, недомерить, недовложить, недоукомплектовать. Как говорится, с миру по нитке...

Встретясь лицом к лицу с покупателями, но уже в новом качестве, они придерживаются тех же привычек и правил. Этим людям не нужна реклама, не нужна гласность.

— Закон об индивидуальной трудовой деятельности явно нуждается в дополнении, предусматривающем юридическую ответственность изготовителя за качество товара. — Таково мнение председателя плановой комиссии Костромского горисполкома А. И. Голубкова. — Случаи продажи некачественных изделий не так уж редки. А ведь сейчас мы уже имеем сто восемьдесят «единоличников» и тридцать пять кооперативов. А как с них спросить — неизвестно.

Не будем обвинять всех огульно. На том же костромском рынке я познакомилась с продавцом меховых шапок. К каждой шапке была привязана написанная от руки бирка: «Кооператив «Свет», пос. Фанерик, ул. Центральная, 13».

— Я работал в системе службы быта,— объяснил мне зам. председателя кооператива Сергей Шевелев,— и знаю: к меховым изделиям нередко бывают претензии. Мы их принимаем, ведь стоят шапки прилично. Да и о престиже думать надо.

Конечно, любой покупатель оценит доверие. И, видимо, потому у Шевелева толпится народ, а рядом, у хозяйки нутриевых ушанок без опознавательных знаков,— никого. Приятно встретить по ту сторону прилавка честного изготовителя. Но это если повезет...

Так какова же все-таки юридическая ответственность кооперативов и частников?

В Гражданском кодексе РСФСР их деятельность пока никак не отражена, правда, в «Рекомендациях по применению некоторых положений Закона СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности», напечатанных в Бюллетене Государственного комитета СССР по труду и социальным вопросам (№ 9, 1987), говорится, что власти на местах должны неустанно проверять, «обеспечивается ли надлежащее качество производимых товаров и оказываемых услуг»... В чем же заключается проверка?

Подробнее этот пункт мне растолковал секретарь комиссии по делам кооперативов и индивидуальной трудовой деятельности Мосгорисполкома А. А. Панин:

— Контроль должны осуществлять органы внутренних дел и фининспектора. Но, к сожалению, проверяющих у нас не хватает.

— Общественность, народный контроль?

— Они должны подключиться. Сами же изготовители обязаны пришивать к своим изделиям бирку с номером патента и сообщать адрес по первому требованию покупателя.

Однако, как мы убедились, справедливые требования «Рекомендаций» на рынках свято не выполняются. «Проходи мимо, если не нравится!» — вот рекомендация, которую щедро раздают направо и налево хозяева «самостроки». Откуда же такая самоуверенность? И чем, собственно, рискует такой хозяин, если будет схвачен за руку? Да ничем. Высшая мера наказания — изъятие патента. А что патент? Ловкач, а именно он и будет обжуливать, нарушая правила, тут же выправит бумагу на двоюродную тетю первой жены — и до встречи на рынке!

И таких встреч, как свидетельствует редакционная почта, не так уж мало. «Я купила шубу за 1100 рублей, а она оказалась кривой и с дырками. Сварганил ее какой-то кооператив из Литвы, который торгует у нас на рынке в специально отведенном ларьке. Я и обратилась за помощью в горисполком, а мне говорят: куда же вы смотрели, когда покупали эту вещь? Вот если бы вы приобрели ее в магазине, мы бы нашли на бракоделов управу, а насчет кооперативов никаких указаний нет. Что же мне делать? А ведь торговали эти кооператоры вполне официально... Н. Захарук, г. Горький».

Кооперативы пользуются поддержкой государства. Им выделяют помещение, оборудование, прилавок. Покупатель считает, что патент — это и есть официальное ручательство. А на деле? Пора законодательно закрепить права покупателя и продумать систему контроля за кооператорами и индивидуалами. Кооперативы и единоличники должны официально определять срок годности товаров, указывать адрес, по которому можно предъявить претензии, учредить свое, кооперативное бюро экспертиз на случай конфликта и ОТВЕЧАТЬ ЗА СВОЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ВСЕЙ СТРОГОСТИ ЗАКОНА, который, кстати говоря, должен быть писан для всех.

Костромская область.

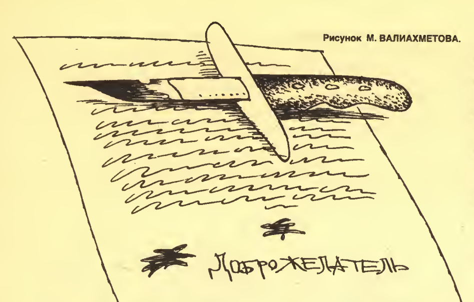

Рисунок М. ВАЛИАХМЕТОВА.

Эдуард
ПОЛЯНСКИЙ

«ПРОШУ АНОНИМНОГО СЛОВА!»

Лавина читательских откликов хлынула в редакцию после публикации фельетона Эдуарда Полянского «Диктат анонимщика» (№ 33, 87 г.). Анализируя почту, автор приходит к выводу, что, несмотря на разнообразие суждений, популярностью в народе анонимщик не пользуется. Совсем наоборот.

Мерзкий образ анонимщика воплощен на балетной сцене! Паде-де засекретившего себя сигнальщика с председательшей комиссии по проверке письма без подписи! Танец с саблями в исполнении членов комиссии!

А что? Не завалящую идейку подбросил читатель С. А. Обухович из Гомеля, откликнувшийся на фельетон. Ее смысл: к борьбе с анонимным бумагомаранием нужно срочно подключить лучшие творческие силы — писателей, поэтов, деятелей искусства. Наступать широким фронтом, задействуя академические и неакадемические театры, рок-группы, киностудии, издательские мощности, телевидение и прессу.

Не думаем, что С. А. Обухович переборщил с масштабами наступления на анонимщика, хотя понимаем, что на танец маленьких лебедей ходить приятнее, чем на танец маленьких негодяев. Борьба с анонимщиком не локальна, она не на обочине демократического процесса, а на его стратегическом направлении. Это борьба за гражданскую смелость, честность, открытость, за все то, с чего начинается гласность. За пятидесятую статью Конституции СССР, в которой говорится о свободе слова. Ведь анонимщики эту статью дискредитируют, подменяя свободу слова свободой навета. «Честные» же анонимщики (термин нескольких читателей), не ставящие подписи из боязливости, добровольно отказываются от свободы слова. Они культивируют и утверждают данную свободу в ее извращенном понимании, ибо свобода АНОНИМНОГО слова иллюзорна. Ты свободен от ответного удара, но не раскрепощаешь себя, не обретаешь внутренней свободы. Ты раб собственного страха.

Как видим, отношение к анонимкам — вопрос принципиальной важности. Приятно отметить, что только в одном отклике на фельетон симпатия читателя полностью на стороне анонимщиков. **В. С. Козлов из Стерлитамака** предлагает в централизованном порядке отдать страну на откуп анонимщикам:

«Можно ведь все государство поставить под контроль. Для этого на каждом предприятии, в каждом многоэтажном доме, в колхозе, совхозе, на каждой улице, в каждом учреждении иметь 5—6 честных товарищей-сигнальщиков, о которых никто не должен знать. Чтобы по сигналу каждый милиционер с домоуправом или квартальный мог войти в любую квартиру, дом и осмотреть, а не ждать санкции прокурора...»

Невольно подмывает ввести в этот абзац из письма околоточных и городовых — такой дремучестью веет от него. Не слишком бы резало слух в данном контексте и упоминание о жандармском управлении. Послеоктябрьские же завоевания и еще одна статья Конституции — о неприкосновенности жилища,— наоборот, в текст не укладываются. Это и понятно — среди лозунгов пролетарской революции не было такого: «Вся власть негласным сигнальщикам!» Молчит о тотальной слежке за народом и Основной Закон.

Да не обидятся В. С. Козлов из Стерлитамака и авторы других писем, с которыми нам придется схлестнуться. Не в них будут нацелены сатирические выпады — спасибо всем, кто, не таясь, изложил свои взгляды на проблему, порой резко отличающиеся от наших. Разить мы будем недомыслие, политические заблуждения, узость и стереотипность мышления.

Все отклики на фельетон про анонимки подписные. Это уже позиция, своего рода согласие с фельетоном. Впрочем, согласие и в самих письмах: «анонимки — зло» — признают абсолютно все читатели. И тем не менее перед автором фельетона две одинаковые стопки откликов. В одной стопке полное согласие с решением «Крокодила» выбрасывать анонимки в корзину, в другой — возражения против него.

Полистаем первую стопку. Здесь много лестных слов в адрес редакции, радостных восклицаний, криков: «Ура! Браво! Бис!»

«Браво, товарищи! Браво! Наконец-то что-то деловое вы написали в журнале относительно анонимщиков. А ведь разговор на эту тему ведется давно. Даже законом грозились по этому поводу. Но аноним жив. Не потому ли, что жаль бумажку с красивыми словами выбрасывать». В. В. Еськов, Николаевская область.

«Решение это считаю шагом вперед по сравнению с теми выступлениями нашей прессы, которые ограничились провозглашением лозунгов типа: «Анонимщикам — бой!» и «Анонимку — вне закона!». Решение «Крокодила» — переход от слов к делу, что и требует перестройка». И. М. Буров, Москва.

«Нахожу это актом высокой гражданственности и мужества, поскольку вы первые решились не читать анонимки. Надеюсь дождаться ваших последователей». Н. В. Шейнис, Ленинград.

«Хотела написать «крокодильчик» (ласкательно), но ты заслуживаешь самых величественных суффиксов. А на «ты», потому что ты оказался самым близким, самым справедливым. Давно пора объявить бойкот мерзавцам. А заставить работать контролирующие и ревизионные органы. Как много прекрасных людей пострадало из-за «писем без подписи». Е. Я. Дубоделова, Кокчетав.

По всему видно, что людям поднадоело словесное бичевание анонимщиков в нашей периодике — оно, хотя и сеет зерна ненависти к ним, но зла не искореняет. В те же средства массовой информации в массовом порядке поступают анонимки. И наш брат-журналист, побичевав это нехорошее явление, тут же, не моргнув глазом, отправлял анонимки в министерства и ведомства и, более того, публиковал их на своих страницах.

Такой пример приводит москвич **А. Л. Попов.** Он сын профессионального революционера, первого руководителя Советского Красного Креста Леона Христофоровича Попова. Статьи об этом враче-большевике можно найти в энциклопедиях, морские просторы бороздит корабль «Леон Попов» (из серии «Ленинская гвардия»), о нем выпущены книги, можно встретить почтовые конверты с его портретом. И вдруг одесская газета «Знамя коммунизма» публикует весьма странные и тенденциозные статьи, в которых ставит под сомнение биографические данные о революционере.

Подозревает газета в создании мифа об отце (!) и сына славного большевика А. Л. Попова. В статье «Знать правду» (от 23 июля 1987 г.) она цитирует письмо читателя, «подпись которого неразборчива». Неразборчивость в средствах также характеризует этого читателя, а заодно и газету, которая хотя и жаждет «знать правду», но черпает ее из подметного письма. Его подметность видна невооруженным глазом: сообщив, что последняя книга о Леоне Попове написана под диктовку его сына, неразборчивый аноним прикладывает почтовый конверт с изображением революционера. И газета радостно сообщает, что заполнять «кому» и «куда» на конверте не надо, так как неизвестный доброжелатель уже наклеил выполненные типографским способом почтовый адрес и фамилию сына Леона Попова.

Что и говорить: с пониманием отнеслась газета к трудностям анонима, к технологическим особенностям его маскировки.

Откликнулись и другие пострадавшие от наветов. Из письма ветерана сернокислотного производства **Г. А. Назарова (Крымская область)** явствует, что его цех менее вреден, чем грязный оговор, обрушившийся на него от имени «группы рабочих». Согласны с ним: в сернокислотном производстве разработаны правила техники безопасности, защиты же от анонимных поклепов не было. Практически любая анонимка влекла за собой моральные и физические травмы.

Жена читателя **А. Т. Соколова из Калининской области** работала заведующей детским садом. По всей видимости, и близость детей не настраивает клеветников на миролюбивый лад. В результате анонимных сигналов — многочисленные комиссии, десятки проверяющих.

«Но все по работе у нее было в порядке, а комиссии шли и шли в атаку, скрупулезно копаясь в анонимках. На одном из собраний жена упала — ее поразил инсульт, она стала инвалидом I группы. Что характерно: никто не пытался защитить, заступиться, до конца разобраться, извиниться перед пострадавшей. А анонимщики радовались — они сделали свое дело».

Между прочим, «проверяльщикам» анонимок от читателей достается не меньше, чем их авторам. Наиболее показательно в этом отношении письмо **Н. В. Маркова из Алупкы:**

«Кто размахивает анонимкой, создает комиссии, должен рассматриваться пособником анонима, сообщником клеветника и отвечать наравне с ним, так как он анонимке придал вид документа».

О своем опыте расследования анонимок пишет ленинградец **Л. Н. Земсков.** Пять лет назад он проверял анонимку в одном из лечебных учреждений. Отсюда уже поступило восемь сигналов, и все они не подтверждались. И все же резолюция на письме гласила: «Проверить и доложить». Участники проверки, понимая, что занимаются неблаговидным делом, вынуждены были, «не глядя друг на друга», в который раз штудировать многократно проверенные их предшественниками документы.

По окончании проверки автор на свой страх и риск заявил горемычному коллективу, что впредь комиссий по анонимкам не будет, хотя сам в этом сомневался.

Его можно понять. Твердых установок относительно реагирования на анонимки у нас не было. Все зависело от личного отношения к ним руководителей. Увы, среди руководителей попадались и перестраховщики («Вы спятили — сигнал трудящегося в корзину!»), и люди старой закалки, которые всей душой еще там, в минувших десятилетиях. Поэтому в красный угол ее, родимую, и поклоны ей, поклоны, пока на лбу не появится фонарь, высвечивающий указанные в анонимке кошмары.

Конечно, перестройка меняет лицо руководителя. У многих появлялось неприятие письма без подписи, я бы сказал, объективно-прогрессивная перестраховка: «Позвольте, это как же полностью формулируется? Сигнал анонимного трудящегося? А проходит ли у нас по директивным документам анонимный трудящийся? И вообще может ли трудящийся быть анонимным? Кто даст гарантию, что данный трудящийся — трудящийся, что он не тунеядец и не жулик? Ах, никто? Тогда пусть этот никто и рассматривает этого никого!»

Находились в Отечестве руководители, которые — о, ужас! — получив анонимку, украшали ее не суровыми визами, а вели на ней неформальный обмен мнениями:

— Павел Иванович, что будем делать с этой грязью?

— На свалку ее, Андрей Васильевич!

И не боялись за руководящие кресла! Руководствовались только партийной совестью и нравственными установками, которые по служебной линии никто им не спускал. А ну как явилось бы начальство рангом повыше и потребовало документ? С исходным номером и датой, с предъявлением папки, где подшит. А какой у нравственной установки номер и тем более дата? Ни числа, ни месяца, ни года. Только эпоха — наша, социалистическая. А масштабами эпохи еще далеко не все руководители мыслят. Многие мыслят масштабами исходного номера. Такой-то дробь такой-то. И вся эпоха.

Вторая стопка писем как раз без учета масштабности эпохи. В стране перестройка, а кое-кто путает ее с немедленной раздачей пряников и мармелада. И считает, что в перестройке можно участвовать, не показываясь на люди. Не преодолевая трудностей и не нарываясь на синяки и шишки. Кое-кто не согласен, что лучшее место для анонимки — мусорная корзинка, так как среди анонимщиков встречаются не только кляузники, но и честные сигнализаторы. Честные, но боязливые.

Высоцкий давно спел: «Я не люблю себя, когда я трушу!», а кое-кто в период решительного наступления безумству трусливых поет песню. Возводит трусость в ранг идеологии.

В. А. Егоров, Московская область: «Осторожность, неторопливость присущи рассудительным, степенным и порядочным людям. В осторожности и трусости больше благоразумия, расчетливости, спокойствия, выдержки... Чем шире пропорция осторожных, благоразумных, дисциплинированных и трусливых людей, тем больше порядка, спокойствия, терпимости...

Благочинность и раболепие — замечательные спутники перестройки! Дисциплинированность и трусость уравнены в правах! Пай-мальчики и пай-девочки, передвигающиеся по струнке,— идеал рутинного директора, мечтающего докуковать свой век без этих перестроечных докук снизу. Перестройка сочла его директорский век, но благовоспитанные и боязливые подчиненные этот век продлевают.

«Это не трусость, а тактика»,— сформулировал **В. Н. Медведев из Москвы.**

Во-первых, трусость всегда прикрывалась необходимостью маневра — уловка известная, во-вторых, товарищ Медведев, увлекшись тактикой, можно проиграть в стратегии.

Стратегия перестройки рассчитана на гражданскую смелость масс, на их энергию, их упорство. Перестройка делается прежде всего руками народа. Что же мы создадим, если народ попрячется по углам? Опять «застойку» и сопутствующий ей расцвет тайнописи, анонимный ренессанс?

Не надоело ли прятаться, быть гражданином-заочником, бояться в собственной стране, вместо того чтобы стать ее хозяином?

На этот вопрос получаем удар поддых от **П. П. Симакова из Ленинграда:**

«Легко звать к подвигам, а вы можете нам дать порядочного начальника, не хама, не бабника?»

Действительно, не всегда можем. В стране целая галактика трудовых коллективов, и только в малой части из них нам удается побывать. А в каждом коллективе жизнь бьет ключом, и не всегда родниковым.

«То-то и оно, вы сначала последствия культа изживите, административно-разносный стиль руководства, скорректируйте мышление зажимщиков критики, а потом уже о смелости толкуйте» — сконцентрированная мысль целого ряда писем.

Одним словом, сделайте так, чтобы нам некого и нечего было бояться, и мы сразу обретем мужество.

Делается и так: зажимщикам критики, руководителям, закусывающим удила, объявлен беспощадный бой. Но если изживать последствия культа только сверху, то есть опять же административным путем, производя смещения и перестановки, не будет ли это отрыжкой культа? И приведет ли такое одностороннее изживание к быстрым результатам?

Сбрасывать оковы культа нужно не только в государственном, но и в личностном порядке. Страх и есть первейшее наследие культа. Пока каждый из нас не избавится от него, не обретет качественно новое понимание гражданского долга, толку не будет.

Вы не задумывались, почему восклицание поэта «Я — Гражданин Советского Союза» звучит так гордо и волнующе? Не оттого ли, что гражданство для поэта не только прописка, но и мужество созидателя, первопроходца?

Нет у анонимщика собственного лица. Мы не знаем, какая прописка значится в его «серпастом» и «молоткастом». Он — гражданин страны-невидимки, страны Анонимии. И поразительно, что находятся приверженцы дружбы Советского Союза и безнравственной страны Анонимии. Они хотят, чтобы эти страны обменялись послами, установили дипломатические отношения.

Никакой дипломатии с анонимщиками! В Конституции нашей страны нет права на лживое и трусливое слово!

Да, честное, нетаящееся слово далеко не всякому руководителю по душе, есть еще **«карьеристы, умные, изощренные, выступающие за рай земной, только с условием, что они в этом раю боги, выдающие подготовленное крушение ближнего за революционную твердость, садистское упорство — за гуманизм» (С. П. Лыхо из Полтавы).**

Да, существует еще такая однобокая оценка: **«Пришло к отчетному периоду предприятие с хорошими показателями, значит, руководитель на месте, а остальное никого не волнует» (И. Т. Рядинский из Курганской области).**

Да, **«зачастую партийные и профсоюзные организации стараются не противоречить своему руководителю, а занимают соглашательскую позицию» (Т. Я. Зиновьев из Тульской области).**

Свидетельствует **И. Демченко из Ивано-Франковска:**

«Я это на своей шкуре перенес! Ничего, кроме вреда себе, не добился. С белого сделают черное, и будет все правильно. Я смел. Через это всю жизнь терплю и живу хуже тех, кто умеет угодничать».

Но скажите нам, товарищ Демченко и другие товарищи, поведавшие автору фельетона о своих нелегких, но неплохих, на наш взгляд, биографиях, в которых победы и поражения, а не анкетная тишь да гладь, хотели бы вы прожить жизнь иначе? Чтобы угождать и пресмыкаться, закрывать глаза на злоупотребления, карьериста провозглашать борцом за наши идеалы, накопившийся потенциал правды разряжать через анонимки.

Судя по вашим страстным, откровенным и полемическим письмам, такого желания вы не испытываете.

У нас нет альтернативы, нет выбора у перестройки. Только правда в глаза, только честный, бескомпромиссный бой с «застойкой». Всеми средствами, кроме подлых и трусливых.

— Прошу анонимного слова! — обращается к нам доброжелатель (он же зложелатель!).

Мы лишаем его слова. И теперь уже на основании закона — Указа Президиума Верховного Совета СССР, по которому анонимки впредь рассмотрению не подлежат!

Рисунок Т. ЗЕЛЕНЧЕНКО, г. Харьков.

ТРУСЦОЙ НА ПАРНАС!

3-й читательский сатирический турнир

Нет-нет, судейская коллегия не возьмет греха на душу и не станет утверждать, что публикуемые ниже стихи присланы на только что объявленный (в № 5), третий по счету читательский сатирический турнир. Ювеналы-любители попросту не успели еще засыпать нас ни зелеными, ни спелыми плодами своего творчества. Тем паче что даже бывалые поэты-марафонцы, уже дважды прошедшие ухабистую сатирическую трассу, конечно же, слегка ошеломлены коренным изменением турнирного регламента — **снятием каких бы то ни было тематических ограничений.** Глаза, естественно, разбегаются, вон сколько соблазнительных целей открылось разом: косность мышления и застойные явления, препятствия на пути перестройки и демократизации, ворье и прохвосты всех мастей, халтурщики и бракоделы (как в турнире-2), прорухи и прорехи в спортивно-физкультурном хозяйстве страны (как в турнире-1), коррупция и преступность в должностной сфере, пьянство, наркомания, проституция, вывихи «неформалов», пробуксовка школьной и вузовской реформ, теневые стороны театральных и киношных преобразований, гримасы сервиса, хамство, медицинские, транспортные и бытовые проблемы, подножки кооператорам и злоупотребления самих кооператоров, наплевизм в охране природы и исторических памятников, а также заслуживающие осмеяния зарубежные события и т. д., и т. п.

Понятно, чтобы выбрать мишень по вкусу и отвести на ней душу, требуется время. Но чуткое судейское ухо уже явственно слышит интенсивный перьевой и шариковый шорох по бумаге — пишутся, пишутся едкие и талантливые сатиры!

— А здесь-то чьи стихи напечатаны?! — воскликнет нетерпеливый читатель.

— Вы заинтригованы? — лукаво спросит судейская коллегия и ответит: — Это стихи... недисциплинированных марафонцев, которые так вошли в творческий азарт, что продолжали присылать ОТКРЫТКИ **(только на них можно писать сатиры!)** и после финиша турнира-2 **(нынешний продлится до 1 ноября с. г.).** Однако судейская рука просто не поднялась, чтобы отстранить их от участия в состязании. Справедливо ли было бы так наказать энтузиастов? Ну и пусть прибежавшие последними в турнире-2 первыми выйдут на старт турнира-3!

Оперативность проявив,
За дело принялся ретиво:
Он шлет потоком директивы
Об уменьшенье директив!

В. Монастырный, преподаватель университета, г. Запорожье.

Дошел анализа посредством:
Жизнь коротка, и, следственно,
Жить, как и все,
то есть по средствам,
И значит — жить посредственно!

С. Кадомцев, г. Белогорск, Амурская область.

ДИАЛЕКТИКА НАВЫВОРОТ

Слияние с предметом ширпотреба —
Всегда мечта под этим вечным небом:
Покупка только баловню судьбы
Сулит единство без борьбы.

И. Чакалина, учитель физики, г. Воронеж.

Пред кем вы провинились,
ножки дамские?
И за какой же грех из года в год
Для вас готовит сапоги «испанские»
Великий инквизитор — «Скороход»?

Мария Каулен, искусствовед, г. Москва.

ЗАНУДА

Заострял внимание
Целого собрания.
А каков финал?
Отупел весь зал!

* * *

Пень
от спиленного дуба —
пьедестал
для лесорубов!

В. Фильченко, инженер-строитель, г. Ульяновск.

О мастерской ходили толки:
— Спецов таких не сыщешь в мире!
Из гирь мы делаем иголки,
А из отходов... гоним гири!

Вл. Зубихин, слесарь, г. Волгоград.

Продается попугай
Бывшего министра.
Он кричит: «Давай! Давай!
Быстро! Быстро! Быстро!»

Н. Гороженский, сварщик, г. Ленинград.

Восторга полон, как юнец,
Трублю о счастье я повсюду!
— Так что случилось, наконец?!
— Я сдал стеклянную посуду!

И. Гаухман, учитель, г. Херсон.

Я думаю, вреднее нет
Тех, у кого на перестройку —
В застое обретенный, стойкий —
Иммунитет.

Я. Великовский, доцент, г. Воронеж.

Зав наш строг. И посему
Возражать не смей ему.
Он и собственных ошибок
Не прощает никому.

В. Олевский, инженер, г. Киев.

АКТ

Отмечалось в акте ревизора:
«Обстановка в заводских цехах
здоровая.
В проходной стараньем вахтера
Созданы НЕВЫНОСИМЫЕ условия».

Б. Ноткин, врач, г. Ленинград.

При изготовлении баянов «Мечта» и «Старт» Житомирская баянная фабрика применяет очень мягкие сорта пластмасс, и кнопки буквально стираются под пальцами.

Под «Мечту» частушки пели
И плясали мы кадриль.
Три недели пролетели —
Перетерлись кнопки в пыль.

Ю. Григорьевский, преподаватель ДМШ № 2, г. Ивано-Франковск.

Наш мясник зашелся в злости:
— Вот пошел народ!
Говорят вам: были б кости,
мясо — нарастет!

Ю. Савичев, шахтер, г. Донецк.

Часто в магазинах г. Саратова выбор одежды и обуви ограничен только самыми ходовыми размерами.

Все костюмы терпеливо
Перемерив, сдал обратно...
Не красивым, не счастливым —
Мне родиться бы... стандартным!

М. Кошкаров, ветеран труда, г. Саратов.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 6

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Буриме. 6. Сливки. 9. Рокировка. 10. Паук. 12. Неон. 13. Арена. 16. Червь. 17. Хохот. 18. Сдача. 19. Водка. 23. Парик. 25. Нить. 26. Брак. 27. Кардиолог. 29. Сатира. 30. Лекало.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Чурбан. 2. Амур. 3. Елка. 4. Окурок. 7. Цифра. 8. Сосна. 11. Календарь. 12. Небоскреб. 14. Свеча. 15. Топор. 20. Жажда. 21. Пирог. 22. Фимиам. 24. Пароль. 27. Кора. 28. Гнев.

Чайнворд «Женский день»

Итак, утро — *пункт 1* — единственно возможная реакция спящего человека на звук, с которым мой муж ставит на плиту чайник. Незамедлительно вспоминается *п. 2* — любимый с детства герой, который мог производить материальные ценности, не вставая с лежанки. Делаю нечеловеческое усилие, открываю глаза — и минут десять пытаюсь узнать себя в зеркале. Оттуда на меня смотрит *п. 3* — сказочная баба! И только *п. 4,* суперсамоуверенность, позволяет мне убедить себя в том, что я еще очень ничего. Или по крайней мере «куда ни шло», особенно если вытряхнуть из головы *п. 5,* то есть ее основное содержимое в 8 утра. Посещение кухни позволяет мне точно сформулировать определение врага рода человеческого, *п. 6,* который, уходя на работу, забыл не только вымыть посуду, но и выключить *п. 7* под сковородкой. Разумеется, весь мой аутотренинг летит ко всем чертям, и даже *п. 8* — результат вчерашней головомойки и накручивания — ничуть не радует. *П. 9* — количество свежей печатной продукции, которое я успеваю проглотить за завтраком, расстраивает еще больше: обещают мокрый снег с дождем. Но тут из часов вылетает обезумевшая кукушка с испорченной дикцией и орет до тех пор, пока я не понимаю, что попала в *п. 10* — острое временное затруднение с единственным выходом — из дома. Разумеется, после спешного выхода надо еще и войти — в *п. 11,* усатый, набитый, с талонной системой, двери которого, само собой, не открываются ввиду сильного напора изнутри. И я скачу на каблуках еще два квартала. Вот и *п. 12* — то место, откуда без спецподготовки можно уехать исключительно в парк. Но подготовка есть, и *п. 13* — пиратский способ взятия такси при непосредственном сближении — дает свои результаты. Прямо с колес влетаю на работу. И сразу вспоминается *п. 14* — животное, до которого причина случайного опоздания доходит так же быстро, как до моего начальника. После этого я битый час делаю вид, что меня тоже очень интересует *п. 15* — игра, обсуждение которой символизирует разгар рабочего дня у мужиков нашего отдела. Параллельно мною обдумывается *п. 16* — фольклорное произведение, создаваемое для руководства при необходимости отлучиться за дефицитом. Но тут меня зовут к телефону, и я волей-неволей произношу *п. 17* — первое слово, помогающее установлению долговременной связи в рабочее время. Только начинаю приходить в себя и успокаиваться, как меня отрывают сообщением о том, что уже начался *п. 18* — промежуток, отделяющий время «до работы» от времени «после работы». Долговременная связь, конечно, возобновляется, как только наступает *п. 19* — остаток обеденного перерыва, используемый у нас в конторе по интересам. Но, во-первых, настроение уже не то, а во-вторых, вскорости открывается *п. 20* — совещание, которое держится исключительно на языках без костей. Ясно, что после возвращения в отдел сил хватает только на то, чтобы положить все срочные дела в *п. 21,* долгую столярную продукцию. Но тут же следует новый удар — вызов на *п. 22* — украшение руководящего кабинета, которое мягко стелется. В полном объеме испытываю на себе *п. 23* — действие, производимое руководством в сердцах. Выйдя в коридор, убеждаю себя, что все это ерунда, просто-напросто дурной *п. 24* — явление, развеивающееся так же быстро, как дым. Тем более что после перекура на сквозняке у меня появляется *п. 25* — недомогание, позволяющее на все начихать.

И я окончательно беру себя в руки и на лазу в *п. 26* за словами, объясняющими мой ранний уход с любимой работы. А потом, как блоковская героиня *(п. 27),* дыша духами и туманами, выхожу из конторы с тючком нестираного белья, уже дня три лежавшим под моим рабочим столом, и пытаюсь вспомнить *п. 28* — точные координаты новой прачечной. И преодолеваю все транспортные проблемы, и посещаю это чудесное заведение, где, оказывается, действует *п. 29* — принцип, позволяющий за определенную плату сделать все самостоятельно. Тут же вспоминается *п. 30* — еще одно живое существо, которому процесс полоскания доставляет истинное удовольствие, и тащусь с тем же, но уже чистым тючком к месту жительства. Муж, естественно, дома. Естественно, сидит, уткнувшись в *п. 31,* пока я, как древнеримский *п. 32,* таскаюсь по объектам бытового обслуживания.

В ответ на мои справедливые претензии он сообщает, что еще *п. 33* — та женщина, которая всегда говорит надвое,— учила его не переживать из-за ерунды. И что тяга к постоянной занятости — это такой же *п. 34,* как отпавший у хомо сапиенс хвост. И что лучше бы я переживала по поводу того, что *п. 35* вот-вот закроется — а то время, как в доме нет ни крошки хлеба. А он якобы сходить туда не может, так как высадил целую пачку «Беломора» и внутри у него — сплошной *п. 36,* от двух граммов которого умирает лошадь. Приходится тащиться еще и в *п. 35* и выстаивать хвост от конца квартала до начала программы «Время», так как дают индийский чай. В 23.00, подогрев, накормив, вымыв и поставив на сушилку, я, наконец, протягиваю *п. 37* и решаю никогда больше не просыпаться. Но тут супруг отрывается от голубого экрана и после некоторого колебания говорит слова, характеризующие меня как *п. 38* — прямо-таки эталон современной женщины.

Ну, скажите, кто может против этого устоять? Да-да, остается только забыть о всех переживаниях и повторить, что все-таки существует это забытое за день чувство, которому покорны абсолютно все возрасты, профессии и характеры женского рода — *п. 39.*

Составила Н. ГРАЧЕВА.

О «ШТАТНИКАХ», СРЕБРЕНИКАХ И СВИНОЙ ТУШЕНКЕ

ОТКЛИКИ ЧИТАТЕЛЕЙ НА ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ В. АКСЕНОВА

Признаемся: был, был соблазн, публикуя фрагмент нового сочинения Василия Аксенова, тут же прокомментировать его, дать ответ по существу, расставить точки над i и над ё. Вероятно, срабатывал стереотип, инерция старого мышления — объяснять, расставлять, а не спорить, выслушивать мнения... Однако нам удалось избежать соблазна. Правда, мы сделали оговорку: читатели вправе высказать свое собственное мнение о публикации. Не скроем, мы верили нашему читателю и не ошиблись в нем: сотни писем уже принесла почта международного отдела. Сегодня — первая подборка откликов.

На публикацию в № 1 откликнулись и наши коллеги из зарубежной прессы. Одним из первых, насколько нам известно, отреагировало агентство Ассошиэйтед Пресс, назвав упомянутый отрывок «полностью позитивным отчетом» об американской жизни под названием «Мы — американцы». Американским коллегам, конечно, виднее, хотя нам думалось, что понятия «американцы» (Americans) и «штатники» (stateniks) отнюдь не равнозначны. Мы по крайней мере их не смешиваем.

Впрочем, не это суть важно. Дадим слово читателям.

Мне 55 лет. Я смеялась над теми, кто любит писать в разные инстанции, а тут... Ведь это мое поколение так отделал бывший соотечественник. Гадость.

Да, было, было голодное детство, была страшная несправедливость, была бедность. Но была гордость!

Потрясающие люди окружали нас. Те люди, которые составляли гордость моей, не Аксенова, страны. Люди, которые, сжав себя в кулак, делали дело, рвались через все страшные годы войны, ужасы послевоенного времени, рвались к чистоте. Видимо, имеет значение круг общения. Мой круг — среднего достатка люди: театралы, книголюбы, романтики, туристы и т. д. Рядом со мной все были одеты одинаково, по-аксеновски, бедно, но — сейчас я стараюсь вспомнить — была ли зависть, хотелось ли одеться лучше? Видимо, конечно, хотелось, но это не было болью, раз не осело в душе так, как у Аксенова.

Ведь и жена у человека может быть обычной женщиной со своими достоинствами и недостатками, а у кого-то она и красивее, и элегантнее, и умнее. Значит, бросим эту жену, будем искать такую, как у другого? А дети?

Так ведь и родина, ну просто место, где ты родился,— это тоже твое. Как же можно выглядывать из-за угла, бросать камень и скорее прятаться? Как же можно? Можно, если ты плохой писатель, если внутренняя злоба превалирует над талантом.

Вспомните Бунина. А В. Высоцкий — тоже человек нашего поколения,— он будет жить долго. А кто помнит В. Аксенова — немногие, да и то это было так давно.

Как бы мне хотелось сказать ему все это лично.

Повторяю, я средний человек, 30 лет проработала на одном месте, в НИИ торговли, оклад — 210 рублей, пенсия — 120 (старший научный сотрудник без степени). Но я уверена, что при дискуссии с профессором литературы Гаучерского колледжа одержала бы верх, так как твердо знаю, для чего жила и живу, любила и люблю окружающих меня людей. Профессором литературы движет злость, а она плохой союзник и не заменяет порядочности, элементарной порядочности.

А. И. ВАСИЛЕВСКАЯ,
Москва.

Почему, собственно, разрешите вас спросить, «Крокодил» должен стать мусорным ящиком для подобного рода тошнотворных пасквилей? Почему читатели, десятилетиями выписывающие полюбившийся им «Крокодил», должны терять целую страницу и вместо интересных и нужных сатирических рассказов, фельетонов и пр. пытаться дочитать до конца очередную занудную брехню заштатного пса американского антикоммунизма? Это что, дань моде? То английская газетенка с тиражом не более 300 тысяч экземпляров написала в «Правду» и высказала сомнение, что ее письмо опубликуют, теперь этот Аксенов вылез с теми же сомнениями, и «Крокодил» напечатал. Может, мы его еще и деньгами поддержим за эту публикацию?

Считаю, что солидный по годам и тиражу «Крокодил» с многомиллионной армией читателей не должен размениваться на такие публикации.

А. В. ПРОНИН, экономист,
Москва.

Ты, «Крокодил», правильно сделал, что напечатал (не испугался!) «произведение» Василия Аксенова «Мы — штатники!», тем самым выразив пожелание большинства читателей журнала: «Нате, подавитесь, сэр!»

Я с огромным возмущением прочитал клеветнические строки в адрес моей страны и хочу ответить ему лишь на ту часть его гадкого пасквиля, где он пишет об «огромной» помощи нам в годы Великой Отечественной войны со стороны Америки. Проявляя «глубокие познания» в военной стратегии, В. Аксенов пишет, что не будь американских «студебеккеров» и «доджей», Советскому Союзу понадобились бы, возможно, еще долгие годы для Победы... Во куда хватил! Желаемое — за действительное...

Автор пишет, что пачки яичного порошка, консервированная ветчина, банки со сгущенкой спасли многие тысячи советских людей от смерти. А знает ли он, что советские воины на фронте называли яичный порошок и ...тушенку «вторым фронтом»?..

Не лучше ли было бы Америке вместо яичного порошка пораньше открыть второй фронт и этим приблизить победу над фашизмом?! Да будет известно В. Аксенову, коль он до сих пор этого не знал (а еще профессор...), что для победы в войне нужны были не столько «студебеккеры», сколько пушки, самолеты, танки, «катюши», снаряды, высокий моральный дух советского народа, героизм его воинов, умение и талант наших военачальников, огромный труд в тылу, а главное — крепость духа, нравственная стойкость Советского Человека, его непоколебимая вера в свою партию, в нашу Победу!

Так что, сэр Аксенов, не в яйцах дело...

А. Г. ШЕВЧУК, участник Великой Отечественной войны с марта 1942 по 9 мая 1945 года,
Тамбов.

«...Не могу молчать!»
Из классики

Давно зарекшись писать в советские печатные органы, принятый обет молчания нарушаю...

Читал у В. Аксенова все, что смог изыскать в провинциальных библиотеках и что удалось приобрести «с рук». Прошу вас: опубликуйте, пожалуйста, «Бумажный пейзаж». Это, как я понимаю, непростая, но вполне разрешимая (в эру нового мышления) проблема. Договориться можно (в смысле явной антисоветчины) и с цензурой, и с автором.

Если уж появилась возможность говорить правду о периоде застоя, то в этой вещи ее более чем достаточно, да и с юмором там все в порядке.

Еще раз спасибо за ваш 1-й номер.

«Типичнейший представитель» своего поколения граждан СССР, «доброжелатель», совслужащий, москвич по рождению и убеждениям, 28 лет...

Подпись неразборчива.
Москва, ул. Нагорная.

Дорогой Крокодил!

Прочитал я творение Василия Аксенова. И что-то вроде рассказа у меня получилось. Посылаю его тебе. Ты же просил написать, если «в таком случае». Вот я и написал.

«ШТАТНИК» НА ПОЛСТАВКИ

Когда прочли мы новогодний номер «Крокодила», то мнения у нас во ВНИИ разделились. Мэнээс Либеральных-Отважный кричал шепотом себе под мышку: «О-е-е-ей, что «Крокодилу» будет!... У-ю-ю-юй, что редактору будет!..» А старик у нас есть — такой лаборант начитанный Ерофеев, который лаборантом был еще до глобальной ниизации нашей необъятной страны, с неизменным жалованьем и независимостью ума, так он сказал: «А чего бояться? Ленин, помните, даже в «Правде» написал о книге Аркадия Аверченко. А называется она «Дюжина ножей в спину революции». Но Ленин не боялся, а смеялся. Притом Аверченко — это же талант, а тут Basil Aksionoff — перебежчик на длинные дистанции за библейскую плату в конвертируемой валюте».

Мэнээс Либеральных-Отважный с подобным узким взглядом на сложную личность Basil согласиться не мог и, отбежав в самый дальний угол коридора, героическим таким шепотом про себя рявкнул: «Это ж какой титан уехал... Это же-же-же какой талант утрачен...»

Почитал, почитал я, дорогой Крокодил, опубликованный тобой первоисточник, выпорхнувший из-под пера «таланта и титана», именуемого Basil Aksionoff, и хочу категорически заявить, что жил он у нас чисто символически, ибо как только заработал у него в полную силу пищеварительный тракт и отведал он американской тушенки, то всем своим существом — и умственно, и душевно — сиганул в эти самые Штаты, а обитали в нашей стране только штаны с присущим им содержимым, образно названным поэтом антиголовой.

Здесь закономерность такая: как только потребности штанов станут преобладать над всем иным и смещается в пространстве мыслительный аппарат, бегут аналогичные типы в соответствующие посольства и подвывают у порога: «Возьмите меня, ведь я уже давно и сердцем, и душой у вас. Вот только штаны перевезите».

Такая получается утечка мозгов — от Basil Aksionoff до Saveli Kramaroff.

Стиль — это личность, как говаривали корифеи. И употребил Basil слово «штатники» не случайно, ибо еще не забыл, что есть в нашей современной разговорной речи и слово «нештатник». Правда, спутал, где он штатник, а где нештатник. Придется помочь. Кое-что уточнить. Все-таки, дорогой Крокодил, в Гаучерском колледже работает он нештатником. А штатник он совсем в другом месте, давно-давно состоя на повременно-гастрольной, но постоянной работе в парижском филиале радиостанции «Свобода» — обычного подразделения ЦРУ. И, как не раз о том сообщалось, руководят там литературно-эстетическими и социологическо-экологическими направлениями американские «искусствоведы в штатском» от сержантов до майоров включительно. И, как водится в литературно-цэрэушной среде, ставят они регулярно по стойке «Смирно!» всяких там Basil и Co и дают им команды: «Оплевать! Оболгать! Оклеветать!» И слышится в ответ дисциплинированное: «О' кэй, сэр!» или «Яволь, ваше благородие!». Тут, как понимаете, все зависит от того, кто команду подает — американский сержант или бывший власовско-гиммлеровский поручик.

Желчь и злоба по заказу постепенно топят даже склонность к беллетристическому чистописанию. Эх, Basil, Basil! Тушенка свиная, галстук намалеванный, девочки с пробором, радиола-автомат и Брод... Это вы знаете, этим вы жили, ваше высокородие. А насчет целого поколения «штатников», почтеннейший, приврехнули. Презирает вас целое поколение.

Не могу не обратиться к работодателям сочинителя. Что же это вы, американцы, люди практичные, за такую, извините, бодягу деньги платите? В приличных домах набирают лакеев поумнее.

Молодец, Крокодил, что напечатал. Не надо бояться. Смеяться надо. Презирать надо.

Вл. ЖИГАЛКО,
Москва.

НОВАЯ РУБРИКА:

СОВРЕМЕННЫЕ ТРАГИКОМЕДИИ

Из белых, желтых, черных, в тон кожи, и красных, в цвет крови, и золотых, в масть небезызвестного тельца, и всяческих, в колер силы, страха, славы, стона, смеха и слез, фрагментов складывается, как в составной картинке-загадке, жизнь современного мира. Потеряем фрагмент — не сложим картинку.

Рядом с добром живет зло. Сквозь тупую маску безысходности светит робкая улыбка надежды. Наш противоречивый, но взаимосвязанный мир несет в себе много трагикомического.

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей первый материал новой рубрики.

Estado Libro Asociado de Puerto Rico.

Свободно присоединиешееся государстео Пуэрто-Рико. Такое официальный юридический статус этого острова в Вест-Индии, открытого Колумбом без пяти пятьсот лет назад.

Присоединившееся, естественно, к США. Вопрос в том, несколько свободно.

В этом году исполняется 90 лет с тех пор, как Пуэрто-Рико е результате испано-американской еойны было захвачено США. И хотя е 1952 году произошла смена вывесок, скеозь размашистое «эстадо либро» по-прежнему предательски просвечивает постыдно-краткое «колония».

«Большой брат» контролирует все крупные предприятия Пуэрто-Рико. Ему принадлежит производство 80 процентов промышленной и 50 процентоа сельскохозяйственной продукции, 85 процентов розничной торгоели, полностью — средства связи, воздушный и морской транспорт, 80 процентов земель. Зарплата пуэрториканца на треть меньше, чем у рабочего США, хотя стоимость жизни на острове нв четверть еыше, чем в Штатах.

Противоречие между национальным самосознанием пуэрториканцев и фатальной зависимостью острове от «свободно присоединившей» его метрополии исследует е своем произведении известный пуэрто-риканский писатель. Мы перепечатываем его с незнвчительнчми сокращениями из американского журнале «Виллидж войс»

Луис Рафаэль САНЧЕС,
Пуэрто-Рико

МЕЖДУ «ЗДЕСЬ» И «ТАМ»

Истошный крик вмиг заморозил все шумы, стюардесса медленно пятилась вон из салона, ангелоподобная, скованная ужасом блондинка; лица пассажиров застыли в страшном предчувствии, они знали: за их спиной — рука, сжимающая... пистолет? нож? самодельную бомбу? Ибо этот иствричный крик мог означать одно из двух: либо опять кто-то вздумал угнать самолет, либо какой-нибудь параноик замыслил авиакатастрофу.

В судорожную тишину уже вкрался «отче наш», стюардесса по-прежнему пятилась, ве лицо — утлая лодка в озере страха — качалось, белея, пучина обморока уже затягивала ев. Но ни тврророистов, ни параноиков нигде нв было видно.

Смиренный и кающийся «отче наш» ужв звучал на всех уровнях веры и голоса, внезапно салон осввтил яркий злектрический свет; бешеный галоп сердец нарастал; мастодонт, расчлененный внутренним свечением, висел на высоте десяти километров над черным окваном.

Вдруг — непредсказуемо, негаданно — взорвался смех, мгновенно смолкли и «отче наш», и преждевременное «аминь», и разом захохотали сотни пассажиров аэробуса, совершавшего ночной рейс Пуэрто-Рико — Нью-Йорк.

Все словно только ждали случая дать выход чувствам и смеялись теперь зло и беспардонно; зло, потому что через смех вырывались наружу тайные и неизгладимыв обиды, и беспардонно, ибо звучал тот смех в американском самолете, летевшем в Нью-Йорк,— смех пуэрториканцев.

И только команда — «гринго» все как один — казалась непроницаемой. Смех мог, видно, расстроить нервы пилотов, то есть угрожал аэробусу. Невероятная жв причина разгоревшихся страстей была у всех на виду: в проходв, ощетинившись, как парочка гангстеров, пошатываясь, как парочка подгулявших приятелей, безучастные к шуму, страху и смеху, гуляли два самодовольных, важных и находившихся в добром здравии краба.

Их ожидала пвчальная участь: завтра они предстанут в вареном виде на Проспект-авеню, или в виде начинки в Южном Бронксе, или в качествв краба в маслв в Сансет-парке, или краба в пикантном соусе в Ист-Сайде, или станут временными и незаконными членами нью-йоркской колонии крабов в одной из луж полузатопленного подвала, подальше от глаз домовладельца.

Но в эту ночь их бравый вид стал предметом оживленных дискуссий, связующим звеном в царящем вокруг шуме-гаме; всем правил хаос, расслабляя души, заставляя рты разражаться выспренней прозой, дирижируя анархической хореографией тел, вытягивая, сгибая, выворачивая их в заточении кресел, всеобщий хаос, пришпоренный патриотизмом и руганью, распутным подмигиванием мужчин, подробными исповедями — мы просто не можем без автобиографий, нескончаемыми воспоминаниями об унижвниях в автобусах, лифтах, на проклятой работв, в либеральном университете, в лавке процентщика; хаос постепвнно приобретал форму, выстраиваясь в границу между ними, «гринго», и нами, пуэрториканцами, границу, контуры которой вдруг обозначились благодаря абсолютно бвздоказательному утверждвнию темнокожей женщины, занятой кормлением младвнца: чем светлее они, твм глупее, сказала она.

Из буфета звучал намеренно громкий дуэт. «Если мне сейчас же не подадут выпить, я поднимаю скандал»,— говорил один. Второй же все твердил о сыне, сидевшем в нью-йоркской тюрьмв за отказ содействовать федеральному суду. Быть националистом в Пуэрто-Рико неофициально престижно, в Нью-Йорке же это означает стать мишенью для официальной ненависти, соглашался первый.

Шутихами разлетелись по салону анекдоты — о страдании и о беде, смвшные, душераздирающие, нвправдоподобных, романтические, ухищренно трактующие несправедливость, явных предрассудки, скрытых предрассудки, бесконечная вереница анекдотов, как взрывчаткой начиненных хитроумием, куражом, неуверенностью в завтрашнем дне, анекдоты, завораживающие слушателя, рассказанные невообразимым импозантно-аллегоричвским языком, а то на корявом деревенском наречии, близком и понятном простодушно-хитроватому крвстьянину, но горожанин — о нет, сэр — повествует на особом уличном жаргонв, а если нужно, на хорошем английском, а если нужно, на старом добром испанском, анекдоты пуэрториканцев, в один прекрасный день познавших безработицу и голод, граждан, не признающих своего гражданства и извиняющихся за грех рождения в Пуэрто-Рико, пуэрториканцев, готовых броситься в драку со всяким поставившим под сомнение их пуэрториканское происхождение, анекдоты из жизни, выбитой из колеи, и анвкдоты толстокожих выживших, чьи сердца свободны от долгов, анекдоты, рассказанные на пуэрто-риканском испанском, купающемся в переливах совершенного ритма и интонаций, ясном и емком, открытом и причудливом, столь же неподлинном, как аргентинский испанский, мексиканский испанский, венесуэльский испанский, испанский испанский, анекдоты в пути между разрушенным раем Пуэрто-Рико и сомнительным раем Нью-Йорка.

И только команда, «гринго» как один, казалась непроницаемой для смеха, пытаясь заткнуть его пресными сандвичами, крохотными пакетиками с арахисом, кока-колой и игральными картами.

Смех наконец перерос в громкое дружелюбие, постепенно охватившее весь туристский салон, в шумное благодушив, в излияния благодарности за комплимент бумажным цветам (подарок тете, живущей в Нью-Джерси), в восторжвнное взаимопонимание меж теми, кто похожв страдает и любит — любит пироги с гуавой, домашние пирожные в коробке из-под обуви, домашнее вино, которое пьется лвгко, а не судорожными глотками, в готовность к общению безо всякой на то причины, и наплевать на тех, в первом классв, кто, отхлебнув калифорнийского шампанского, цедит: «Да, это мои соотечественники, но...» или «Каквв там люди, один хлам»; пронзительное, страстное дружелюбие, лопотавшее, клокотавшее, перехлестывавшее через край, и жилистый, лет пятидесяти, человек делился надеждами: «Раз я не могу заработать на жизнь в Пуэрто-Рико, а значит, не могу там жить, что ж, вывезу его с собой по частям; сейчас я взял четырех крабов, а в прошлый раз вывез чистокровного бойцового пвтуха и так вывезу каждую живую тварь».

Он углубился в воспоминания об интимных двлах, и в его словах, проанализируй их чужая и глухая душа, был вроде только дешевый натурализм, порождение уродливой жизни, тривиум, синдром деревенщины, занесенной в город; но за бахвальством, грубостью, дурным вкусом виделся особый, неповторимый, неизменный характер, лежащий в фундаменте нашего священного государства зависимых: всего один пуэрториканец летит в Нью-Йорк, а провожают его пятеро, двое возвращаются домой, а встречают их ввосьмером; характер, пополняющий запасы нашего юмора,— мы любим посмеяться от души и без оглядки, любим зубастую шутку, мы смеемся, как и страдаем, обильно, оперегочно, как в мексиканском кино, и наш смех, наш плач, едва отличимые друг от друга, слились здесь в аэробусе, совершавшем рейс Пуэрто-Рико — Нью-Йорк.

А жилистый, лет пятидесяти человек, тем временем уже нашвл много общего с неким Кайо из Кайи, лвтевшим повидаться с внуками, с некой Соледад Ромеро, которая всякий раз, когда ее душевным батареям трвбуется подзарядка, возвращатся в Пуэрто-Рико, и с неким Исидоро из Эль-Юнке, который летел кое-что продать, чтобы вызволить сына из нью-йоркской тюрьмы, и с некой Лаурой Серрано, которая не пвреносит зиму, а все-таки летела в Нью-Йорк, и с неким Йакоко Кальдероном из Лоизы, направлявшимся в испанский Гарлем «быстро сделать деньги, и назад», и с некой Глориви Фраговзо, у которой в Нью-Йорке умирал сын Витино, и с неким Бобом Маркесом, который представился вызывающ, как полагается: «Черный пуэрториканец и горжусь этим», и с неким промямлившим свое имя, который в Нью-Йорк ненадолго. Они перепрыгивали с места на место, делясь надеждами, еще недавно похороненными, с настойчивостью переписчиков населения повторяя свое «откуда вы родом?» и тотчас подхватывая: «Если из Рио-Гранде, так должны знать мистера Пагана, он ремесленник, а если из Агуадиллы, наверно, знаете Тата Баррадаса».

Здесь, в аэробусе, пуэрториканцы толковали о радостях жизни на свежем воздухв, о преимуществах страны, нв превышающей размеров большой деревни... о робкой иллюзии, что в Нью-Йорк они ненадолго, клялись памятью умерших родителей, что пробудут там ровно столько, чтобы поправить свои дела; мвчтали о каком-то несуществующем бесплатном обратном билете, гарантирующем возвращение, если бабушка вдруг надумает умереть или если вдруг умер отец, билете, воплотившем в себе безумную тоску по острову, чвй образ мы храним как сокровище, образ, нежно преобразованный воображением разлученных, по острову, о котором некогда было сказано: рифы, мягко сливающиеся с голубизной, зеленью, золотом теплого песка и моря; билете, способном все разрвшить радостью прогулки в горах, по пляжу, по рыночной площади, по улицам, прекрасным, несмотря на то — или благодаря тому,— что уродливы, бесцвльными разговорами друзей или пьянством по нескольку дней; билете, дарившем надежду, что корни не прорастут в чужом городе, что не будет больше похорон на чужбинв. Задыхавшиеся в Пуэрто-Рико, не нашедшие возможности выбиться в Пуэрто-Рико, с душою, сотканной морским ветром, в Нью-Йоркв обреченные на постоянную борьбу за выживание, смущвнные и раздраженные невозможностью жить в Пуэрто-Рико, не удовлетворенные собственными дурацкими объяснвниями: «Да, приятель, единственное, что оставтся на этом острове,— пить, шутить, веселиться и болтать с приятелями, я попытал здесь счастья — не получилось, теперь попробую там, а нв повезет, вернусь обратно»; желающие быть здесь, вынужденные жить там, обреченные на бесконечные странствия между здесь и там, те, чья жизнь разорвана этими двумя словами, которыв как два удара ножом.

Моя соседка снова возвращается к инциденту с крабами, и неотвратимо возникавт вопрос: «А откуда вы родом?» Хотя уже объявили: «Через несколько минут наш самолет приземлится в аэропорту Квннеди». Я говорю: «Из Пуэрто-Рико». Она — раздраженно: «Это написано у вас на лице». «Из Умакао»,— уточняю я, несомненно, доставив ей удовольствие, так как она с радостью сообщает: «Я была в Умакао». А она откуда? Кокетливо подмигнув и залившись румянцем, отвечает: «Пуэрто-Рико». Следуя правилам игры, я говорю слегка раздраженно: «Это видно и слепому. А город?» Она говорит: «Нью-Йорк».

Перевел В. СИМОНОВ.

ЖУР ДЕ ФРАНС
(ФРАНЦИЯ)

JOURS DE FRANCE

Рисунки ЖАКА ФЕЗАНА

— Он не сможет прийти к нам на обед. Просит передать тебе свои извинения, а также вернуть присланные цветы.

— При чем тут близорукость? Просто человек в отличие от некоторых прекрасно воспитан.

— Мари, я ценю твое стремление к эмансипации, но всему же должен быть предел.

Стефания ГРОДЗЕНЬСКАЯ
(Польша)

РОМАНТИКА

Я стояла на остановке автобуса.

Мужчина увидел меня издали и подошел.

— Мне нужно с вами поговорить,— сказал он.— Это очень важно.

— Слушаю вас.

— Если вам не трудно, напомните мне, откуда я могу вас знать?

— Странный вопрос. На него должны были бы ответить вы. Я вас не знаю.

Я так сказала, но, когда пригляделась к нему, меня охватило беспокойство: ну, конечно же! Это тот самый тип, который с некоторых пор преследует меня во сне. Я вижу его очень четко, я борюсь с собой, стремлюсь отделаться от него, но ничего не получается. Он стоит передо мной в зеленой куртке с коричневым кашне на шее.

— Кто вы? — встревоженно спросила я.

Он назвался. Его фамилия мне была неизвестна. Я назвала свою. Она ему ничего не говорила.

— Это какая-то ошибка,— сказала я неуверенно.

— Нет, это не ошибка. Вы снитесь мне почти каждую ночь. Я отчетливо вижу ваше лицо, ваше темно-синее пальто с большими пуговицами.

— Да, у меня есть такое.

— Вот видите!

— Да... Я тоже вас отчетливо помню, но не знаю откуда.

— К тому же всегда, когда я вижу вас во сне, я понимаю, что не должен забыть ни одной детали вашей внешности, потому что от этого зависит нечто очень важное.

Мы зашли в ближайшее кафе. Перебрали в памяти все, что могло бы напомнить нам друг о друге. Дошли до лет юности, детства, до времени начальной школы. Вспоминали попадавшиеся на глаза милицейские публикации о розыске... Не нашли мы ни одной точки соприкосновения. Хотя он вспомнил еще такую деталь — на голове у меня был бежевый берет.

Дело принимало странный оборот. Романтичность ситуации граничила с парапсихологией.

Мы условились встретиться на другой день в этом же кафе. Мы просто не могли потерять друг друга, не разрешив загадки.

Через несколько месяцев мы поженились...

... Было это спустя несколько лет. Как-то мы впервые пошли вдвоем в суперсам и стали в очередь за проволочными корзинками для продуктов.

Постояли несколько минут, и вдруг, взглянув на мужа, я почувствовала, как краска отливает от моего лица.

— Что с тобой? — спросил он.

— Знаю! — воскликнула я.— Вот она — разгадка!

— Ну...— шепнул он и тоже побледнел.

— Вижу... вижу... Я стояла в очереди за фруктами. Обернулась к тебе и сказала: «У меня занята другая очередь, за сыром. Пожалуйста, запомните меня, только как следует. На мне синее пальто и бежевый берет. Я стою перед вами...» Потом я возвратилась. Тогда ты сказал: «Теперь я быстро сбегаю за курицей и вернусь. Пожалуйста, запомните меня, только как следует: на мне зеленая куртка и коричневое кашне. Я стою за вами...»

Все оказалось так просто. И никакой романтики с парапсихологией...

Просто не знаю, как мы теперь будем жить с ним. Впрочем, наверное, так же, как тысячи других супружеских пар.

Без романтики.

Перевел Н. ЛАБКОВСКИЙ.

ХУДОЖНИК-БОЕЦ

Он не дожил нескольких месяцев до своего семидесятилетия. Ушел из жизни талантливый сатирик, заслуженный художник РСФСР Лев Самойлович САМОЙЛОВ.

Первая его карикатура была опубликована в 1933 году в журнале «Червоный перец», выходившем в Харькове. Леве было тогда пятнадцать лет.

В 1939 году по комсомольскому набору Л. Самойлов уходит во флот.

Он служил на «Авроре» комендором, воевал с белофиннами, в Великую Отечественную войну тонул во время Таллинского прорыва. Участник обороны Ленинграда.

На войне он и рисовал. Самойлов был ведущим художником сатирического раздела «Полундра» газеты «Страж Балтики». И не зря его фамилия числилась в гитлеровской картотеке среди наиболее опасных врагов рейха.

После войны его карандаш продолжал бичевать врагов мирного строительства, бюрократов, лодырей, казнокрадов.

Вышло несколько альбомов Льва Самойлова, десятки книжек с его иллюстрациями. Его работы экспонировались на многих художественных выставках как в нашей стране, так и за рубежом.

За участие в выставках «Сатира в борьбе за мир» Самойлов удостоен медали Советского Комитета защиты мира.

Память о художнике, бойце, патриоте надолго остается в сердцах крокодильцев.

КРОКОДИЛ

№ 7 (2593)
март 1988

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ.

НАШ АДРЕС: 101455, ГСП, Москва, А-137, Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
экономики — 250-46-68,
морали и права — 250-16-63,
литературы — 250-09-70,
писем — 212-13-93,
международного — 250-45-78,
художественного — 212-30-00.
Приемная — 250-10-86.

Сдано в набор 01.02.88.
Подписано к печати 08.02.88.
А 11714.
Формат бумаги 70 × 108⅛.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80.
Уч.-изд. л. 4,54.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Тираж 5 300 000 экз.
(1-й завод: 1—2 700 161)
Зак. № 1966.

Фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865 Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24. Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени типографии Издательства ЦК КП Узбекистана, г. Ташкент ул. Ленина, 41. Тираж 5 300 000 экз. (3-й завод 3 600 001—4 000 000) заказ №3132.

«ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ» ТАТЬЯНЫ ЗЕЛЕНЧЕНКО

Она родилась во второй половине двадцатого века. Училась в Харьковском художественно-промышленном институте имени И. Е. Репина. Дипломная работа — серия антиалкогольных плакатов. Тема, скажем прямо, не считалась особо актуальной, дело было еще до известного указа.

Молодая специалистка получила направление на парфюмерную фабрику. Числилась художником, а поставлена была на конвейер — отмывать бутылки из-под шампуня. Работа, конечно, интересная и нужная стране, но почему-то мечталось Тане не об этом. Зря, что ли, учили? Перешла на мебельный комбинат имени Щорса, где мечты почти сбылись, поскольку стала заниматься художественным оформлением объявлений о найме рабочей силы.

Все-таки хотелось чего-то большего. И после трудового дня Таня работала над иллюстрациями к рассказам Виктории Токаревой. Просто так, без заказа. Нравились ей рассказы, вот и рисовала.

А потом подумала: показать бы рисунки автору. Поехала в Москву, явилась к Токаревой в гости.

Издательские круги, с которыми Токарева свела Татьяну Борисовну, встретили ее хорошо, работы одобряли, но скорбели: хорошо бы вам, товарищ Зеленченко, перебраться в столицу, вот тогда бы контакты наладились. А может, мужа подыщете с московской пропиской?

Таковой не подвернулся, и Татьяна продолжает жить в Харькове. Работала в художественно-рекламном комбинате, руководила художественным кружком в Доме пионеров. Оформляла книги для издательства Киева и Кемерова, публиковала рисунки в журналах «Юность», «Работница», «Семья и школа».

Но самое главное, для души, создавалось вечерами. Накормлена семья — дочка, муж (не московский, местный). И начинается работа над иллюстрациями к любимым писателям, станковыми композициями.

Так и родились вот эти иллюстрации к «Двенадцати стульям».

А хотите познакомиться с Зеленченко-карикатуристкой?

Ничего нет проще. Откройте одиннадцатую страницу.

С. СПАССКИЙ.

Цена номера 30 коп. Индекс 70448.

...

...лыбнись!

...е. Ленинград.

— Пап, а как ты познакомился с мамой?
— Она вот так же шла с сумками, а я помог ей донести.

Рисунок В. ДМИТРЮКА.

...ов

...ТЕМУ

...голо,—
...ет!

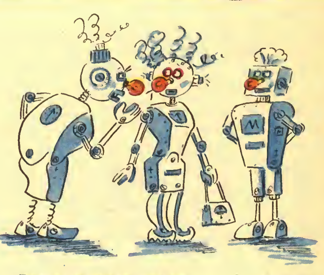
...ленной,
...,
...юбленный,
...о!»
...имна
...очин —
...имность
...жчин.
...й:
...мне,—
...ошибки,
...войне!
...очень,
...суждено:

...очим,
...

...раздела...
...ад!»
...тело,
...шаг.

...ля бумаг.

...и,
...иге
...и.

— Пока он на тебе не женился, схему ему всю не показывай!

Рисунок Р. ДРУКМАН.

— Гляди-ка: еще одна одинокая женщ... ет познакомиться!

Рисунок Е...

— Бери и катись на все четыре сторо...

Рисунок А. А...

Рисунок В. ВЛАДОВА.

Рисунок ...

...лько первых рядов, сидели ...сеянно смотрели по сторо... женщина и что-то ожи... ...рофон, делая рукой выра...

...Иванов увидел изящную ...днóм малиновом капоре на ... сдвинув брови, она безус...ть большую, ярко раскра...есто того чтобы повернуть ...тельно друга, она изо всех ...е стороны.

...умал Иванов.— Интересно, ...аниями дома хозяйничает? ...ое, открыть не может. Вот ...к».

...в, блондинка оставила ма... в окно. Ее скучающий ...рьезным взглядом Ивано...ли изучали друг друга. За...ась и кокетливо помахала

Иванов растерялся. Он уже давно забыл, что надо делать в таких случаях. Временные щели в его жизни между работой и домом с женой и двумя детьми были слишком узки, чтобы в них могло втиснуться что-нибудь легкомысленное. Глядя на молодых девушек, он думал прежде всего о том, что его старшая дочь уже подходит к тому опасному возрасту, когда человеку хочется быть не хуже других, и во что это обойдется напряженному семейному бюджету.

Подумав немного, Иванов решил улыбнуться в ответ, но тут же вспомнил о своем переднем зубе, недавно сломанном при попытке надкусить найденный в холодильнике сервилат, уже полгода хранившийся там ко дню его рождения, и поспешно сжал губы.

Блондинка весело смотрела на него через свое затемненное стекло. «Надо что-то делать,— лихорадочно соображал Иванов.— А то еще подумает что-нибудь. Им и так о нас черт знает что плетут».

От внезапно свалившегося груза ответственности ему стало жарко.

И вдруг его осенило.

Быстро увеличив щекой протертое пространство стекла, он с трудом поднял руки и стал делать ими энергичные крутящие движения.

На лице блондинки появилось недоуменное выражение. Потом ее глаза со страхом расширились, и она вопросительно показала на свою шею.

«Не так понимает!» — с досадой подумал Иванов. Он попытался руками изобразить форму матрешки, желая показать, что он имеет в виду, но при этом локтем задел лицо стоявшей сбоку тучной гражданки. Гражданка с опаской покосилась на него, крепче прижала к груди полиэтиленовый мешок, доверху наполненный пакетами молока, и сделала попытку отодвинуться в сторону.

На светофоре рядом с красным зажегся желтый сигнал.

«Что ж делать-то, господи! — с отчаянием думал Иванов, тоскливо глядя на непонятливую блондинку и машинально продолжая крутить руками.— Сейчас ведь уедет, и все. И будет потом у себя там рассказывать, как ей зде... хотели свернуть. Как пить дать, будет»...

Соседний автобус выпустил облако ды... ленно тронулся с места.

Иванов понял, что больше медлит... Мощным рывком он отодвинул в сторон...ку, с трудом высунул в нее голову и из... заорал:

— Вертеть ее надо, понимаешь, верт...

Но серебристый автобус с заморской... кой был уже далеко. И с высунутой гол...нова поравнялся фургон с надпись... мощь», в котором сидело трое рабочих ...вых жилетах.

— Что, отец, освежиться вышел? ... крикнул один из них.

Иванов ничего не ответил и, стараяс... щемить уши, осторожно всунул голову... Пассажиры молча смотрели на него.

— Бестолковые они все-таки,— ни ... обращаясь, сказал он, вытирая лицо, по... сбегали крупные капли дождя.